

Змеиный король

Автор:

[Джефф Зентнер](#)

Змеиный король

Джефф Зентнер

#YoungLife

Лучшие друзья Дилл, Лидия и Трэвис родились и выросли в американской глубинке. Сейчас, в выпускном классе, ребята стоят перед выбором: поступить в университет и уехать из провинции или найти работу и остаться дома?

Для Лидии ответ очевиден. Яркая и целеустремленная, она ведет популярный фэшн-блог и мечтает поскорее окончить школу, чтобы вырваться из унылого городка.

Для Дилла и Трэвиса все далеко не так просто. Слишком многое держит их в Форрествилле и слишком мало возможностей они видят впереди. Но так ли это на самом деле? И как не пожалеть о своем выборе?

Джефф Зентнер

Змеиный король

Роман

Посвящается Теннесси Люку Зентнеру,

моему прекрасному мальчику.

Моему сердцу.

Jeff Zentner

The Serpent King

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency

© Jeff Zentner, 2016

© А. Маркелова, перевод на русский язык, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

1

Дилл

Кое-чего Диллард Уэйн Эрли-младший страшился посильнее, чем начала учебного года в школе Форрествилла: например, размышлений о будущем или разговоров о религии с матерью, которые никогда не приносили ему радости или легкости. А еще ему было невыносимо видеть, как люди меняются в лице, услышав его имя. После этого беседа обычно совсем не клеилась.

Помимо прочего, ему не нравилось навещать своего отца, пастора Дилларда Эрли-старшего, в тюрьме «Ривербенд». Не нравилось – мягко говоря. На сей раз

он собирался в Нэшвилл не к отцу, но тем не менее его одолевала какой-то беспричинный страх. Вероятно, причиной было то, что завтра начиналась учеба, но сейчас это ощущалось совсем иначе, нежели в прошлые годы.

Он бы чувствовал себя еще хуже, если бы не радостное предвкушение встречи с Лидией. Самые плохие дни, проведенные с ней, все равно были лучше, чем самые хорошие без нее.

Дилл перестал перебирать струны гитары, наклонился вперед и сделал запись в дешевой тетрадке, купленной в магазине единой цены. Дряхлый оконный кондиционер сипел от натуги, проигрывая бой с духотой и влажностью этой комнаты.

Несмотря на громкий треск агрегата, Дилл слышал, как о стекло бьется оса. Он поднялся с обшарпанного дивана и, подойдя к окну, стал дергать за ручку. Наконец оно со скрипом открылось.

Дилл попытался подогнать насекомое к оконной щели.

– Не советую тебе здесь задерживаться, – пробормотал он себе под нос. – Этот дом – не лучшее место для того, чтобы умереть. Давай выбирайся.

Посидев на оконной раме, оса еще раз оценила обстановку и вылетела на свободу. Дилл закрыл окно; чтобы затворить его до конца, ему пришлось практически повиснуть на нем.

В комнату вошла мать в своей униформе отельной горничной. Вид у нее был уставший, как всегда, отчего она выглядела намного старше своих тридцати пяти лет.

– Почему у тебя и окно открыто, и кондиционер работает? Электричество не бесплатное.

Дилл повернулся к ней.

– Оса.

– А оделся зачем? Куда-то собираешься?

– В Нэшвилл. – Пожалуйста, только не задавай этот вопрос.

– Проведать отца? – В голосе матери слышались одновременно и надежда и упрек.

– Нет. – Дилл отвел глаза.

Мать подошла на шаг, пытаясь поймать его взгляд.

– Почему нет?

– Потому что, – сказал Дилл, по-прежнему не глядя на нее, – мы не за этим едем.

– Кто это – «мы»?

– Я, Лидия, Трэвис, как обычно.

– Тогда за чем же вы едете? – спросила она, уперев руку в бедро.

– За одеждой для школы.

– У тебя нормальная одежда.

– Нет, не нормальная. Мне уже все мало. – Дилл поднял кверху худые руки, и футболка задралась, оголив его плоский живот.

– На какие деньги? – Мать нахмурила лоб, на котором и без того было больше морщин, чем у многих женщин ее возраста.

– На те, что я заработал, помогая людям таскать покупки в машину.

– Бесплатная поездка в Нэшвилл. Ты должен навестить отца.

Лучше навестить, а не то плохо будет – вот что ты на самом деле хочешь мне сказать. Стиснув челюсти, Дилл посмотрел на мать.

– Я не хочу. Ненавижу это место.

Она скрестила руки на груди.

– А каким оно, по-твоему, должно быть? Это же тюрьма. Думаешь, ему там нравится?

По всей вероятности, больше, чем мне. Пожав плечами, Дилл устремил взгляд в окно.

– Сомневаюсь.

– Я о немногом прошу, Диллард. Это меня порадовало бы, да и его – тоже.

Дилл только вздохнул. Ты просишь о многом, хоть и не напрямую.

– Ты ему обязан, и ты – единственный из нас двоих, у кого есть свободное время.

Она повесит этот груз ему на шею. Если он не поедет, она сделает все, чтобы он об этом пожалел. Страх, который засел у Дилла в животе, увеличился в размерах.

– Может быть, если у нас останется время.

Как раз в ту минуту, когда мать уже собиралась вытащить из Дилла более твердое обязательство, по улице промчалась испещренная наклейками «тойота приус» и с визгом остановилась перед их домом. Послышался гудок. Слава богу.

– Мне пора, – сказал Дилл и обнял мать на прощание. – Хорошего тебе рабочего дня.

– Диллард...

Но он выбежал на улицу, не дав ей шанса договорить. Оказавшись на ярком солнце, Дилл прикрыл рукой глаза. Даже в девять двадцать утра влажность была запредельной, будто к лицу приложили горячее мокрое полотенце. Дилл бросил взгляд на облупившиеся белые стены баптистской церкви «Голгофа», что стояла чуть дальше по улице, и по привычке сощурился, пытаясь разобрать слова на табличке: «Без Иисуса нет покоя. Узнаешь Иисуса – узнаешь покой».

А что если Иисуса ты знаешь, но покоя тебе все равно нет? Значит, либо слова на табличке неверны, либо ты просто не настолько хорошо знаком с Иисусом? Воспитание не позволяло Диллу считать какой-либо из этих двух вариантов достаточно приемлемым.

Открыв дверцу машины, он заглянул внутрь. От ледяного воздуха в салоне его поры сжались.

– Привет, Лидия.

Она убрала потрепанный экземпляр журнала The Secret History с пассажирского сиденья, чтобы Дилл мог сесть, и швырнула его назад.

– Прости, что опоздала.

– Но ты не чувствуешь себя виноватой.

– Разумеется, нет. Но должна же я сделать вид. Социальные обязательства и все такое.

По двадцатиминутным опозданиям Лидии можно было сверять часы. А пытаться схитрить, назначив время встречи на двадцать минут раньше, не получалось. В таких случаях она опаздывала на все сорок, чисто интуитивно.

Лидия потянулась к Диллу и обняла его.

– Ты уже потный, а ведь только утро. Вы, парни, такие отвратительные.

Черная оправка ее очков скользнула по его щеке. Ее растрепанные дымчато-голубые волосы – цвета потускневшего ноябрьского неба, испещренного

облачками, – пахли медом, инжиром и ветивером. Он вдохнул их аромат, отчего в голове у него затуманилась, но это было даже приятно. Для поездки в Нэшвилл Лидия надела стильную красную клетчатую блузку без рукавов, черные джинсовые шорты с высокой талией и винтажные ковбойские сапоги. Диллу нравилось, как она одевалась, каждая деталь, а таковых было немало.

Он пристегнулся за секунду до того, как она нажала на газ, и его тут же вдавило в сиденье.

– Прости, у меня нет кондея, который может превратить август в декабрь.

Порой он целый день не ощущал такой прохлады, как в автомобиле Лидии, – разве что когда заглядывал в холодильник.

Протянув руку, она убавила мощность обдува.

– Я считаю, что моя машина должна всеми возможными способами противостоять глобальному потеплению.

Дилл отрегулировал воздуховод, направив прохладный ветерок себе в лицо.

– Ты когда-нибудь задумывалась о том, как странно, что Земля несется сквозь космическое пространство, где температура, ну, скажем, минус тысяча градусов, а мы здесь, внизу, потеем?

– Я частенько задумываюсь о том, как странно, что Земля несется сквозь космическое пространство, а ты тем временем здесь, внизу, ведешь себя как шизик.

– Куда пойдём в Нэшвилле – в торговый центр или куда-то еще?

Лидия метнула на него гневный взгляд и снова стала смотреть на дорогу. Потом, не глядя, протянула ему руку.

– Прости, я думала, мы с тобой лучшие друзья с девятого класса, но, по всей видимости, мы вообще незнакомы. Лидия Бланкеншип. А тебя как зовут?

Дилл воспользовался возможностью пожать ей руку.

– Диллард Эрли. Возможно, ты слышана о моем отце – у него точно такое же имя.

Общественность города Форрествилла, что в штате Теннесси, была изрядно шокирована, когда пастор Эрли из церкви Святых Апостолов отправился в тюрьму штата, и отнюдь не по очевидным причинам. Все предполагали, что однажды пастор обязательно навлечет на себя неприятности из-за тех двадцати семи (или около того) змей – гремучников и медноголовых щитомордников, которых его прихожане передавали из рук в руки по воскресеньям. Никто не знал наверняка, какой именно закон нарушался, но тем не менее происходящее казалось незаконным. Действительно, после ареста пастора департамент охраны дикой природы штата Теннесси принял опеку над его змеями. Еще, вероятно, считали, что пастор вступал в конфликт с законом, когда побуждал паству пить разбавленную аккумуляторную серную кислоту и стрихнин в целях религиозного обряда. Но нет, его отправили в тюрьму «Ривербенд» за несколько иную форму отравы: в его компьютере обнаружили больше сотни снимков несовершеннолетних, участвовавших в сексуальных актах.

Лидия склонила голову набок и прищурилась.

– Диллард Эрли? Да, это имя кажется мне знакомым. Отвечая на твой вопрос: конечно, да, мы будем полтора часа ехать в Нэшвилл именно для того, чтобы пойти в торговый центр и купить тебе точно такое же тряпье, в котором Тайсон Рид, Логан Уокер, Хантер Генри, их невыносимые девчонки и все-все их кошмарные дружки явятся в школу в первый учебный день.

– Я просто задал вопрос...

Она подняла палец:

– Глупый вопрос.

– Глупый вопрос.

– Спасибо.

Взгляд Дилла скользнул по рукам Лидии, лежавшим на руле: изящным, с длинными тонкими пальцами, алыми ногтями и множеством колец. Остальные части ее тела также нельзя было обвинить в отсутствии изящности, но пальцы были категорически, вызываясь изящны. Диллу нравилось наблюдать за Лидией: как она ведет машину, как печатает – да и вообще за всем, что она делает руками.

– Ты позвонила Трэвису, предупредила, что опаздываешь?

– А тебе я позвонила? – Она прошла поворот на скорости, так, что взвизгнули шины.

– Нет.

– Думаешь, для него мое опоздание станет неожиданностью?

– Ни в коем случае.

Августовский воздух был белесовато-парным. Дилл уже слышал этих жуков, как бы они ни назывались, тех, что жарким летним утром издают стрекочущий гул, будто возвещая о том, что днем станет еще жарче. Не цикады, нет, это вряд ли... Жуки-трескуны – это название показалось ему подходящим.

– С чем мне сегодня предстоит иметь дело? – спросила Лидия. Дилл бросил на нее непонимающий взгляд. Она подняла руку и, собрав три пальца в щепотку, потеряла их друг о друга. – Ну давай же, приятель, не томи.

– А, пятьдесят баксов. Сработаемся?

Она фыркнула.

– Ну разумеется.

– Ладно, только никаких нелепых прикидов.

Лидия снова протянула ему руку для рукопожатия – более настойчиво, с усилием, как каратист, разрубающий доску ребром ладони.

– Нет, я серьезно, мы знакомы? Скажи еще раз: как тебя зовут?

Дилл снова пожал ей руку. Любой предлог хорош.

– Ты сегодня в настроении.

– Я в настроении для того, чтобы мои заслуги оценили по достоинству. Мне не много нужно. Смотри не избалуй меня.

– Даже не мечтаю.

– За последнюю пару лет, когда я выбирала для тебя вещи в школу, ты хоть раз выглядел нелепо по моей вине?

– Нет. То есть мне, конечно, и за внешний вид доставалось, но, уверен: что бы я ни надел – ничего бы не изменилось.

– Вот именно. Потому что в нашей школе учатся люди, которые стильную вещь в упор не разглядят. Я придумала тебе образ в духе провинциальной американы: рубашки в стиле вестерн с перламутровыми кнопками, деним, классические, мужественные, канонические штрихи. В нашей школе все отчаянно пытаются выглядеть так, будто живут не в Форрествилле, а мы с тобой признаем и обыграем твою типично южную провинциальность, что-то на стыке Таунса Ван Зандта 1970-х и Райана Адамса той поры, когда он еще был в группе Whiskeytown.

– Так ты, значит, все продумала. – Диллу нравилось осознавать, что Лидия о нем думала, даже если только как о разодетом манекене.

– А ты меньшего ожидал?

Дилл вдохнул аромат, витавший в салоне машины. Ванильный освежитель воздуха в сочетании с запахом картошки фри, лосьона с нотками жасмина, цитруса и имбиря и нагретой солнцем декоративной косметики. Они уже почти подъехали к дому Трэвиса. Он жил недалеко от Дилла. Остановившись на перекрестке, Лидия сделала селфи, а потом протянула телефон Диллу.

– Теперь ты меня сфоткай.

– Уверена? Твои фанаты могут подумать, что у тебя есть друзья.

– Очень смешно. Просто сделай это, а об остальном я сама позабочусь.

Проехав еще пару кварталов, они остановились у выкрашенного в белый цвет дома Бохэннонов, обшарпанного, со старой железной крышей. На переднем крыльце были сложены дрова. На гравийной подъездной дорожке потел отец Трэвиса: менял свечи зажигания в своем пикапе, на боку которого красовалось название семейного бизнеса: «Пиломатериалы Бохэннонов». Метнув на Дилла и Лидию угрюмый взгляд, он поднес сложенную рупором ладонь ко рту и крикнул:

– Трэвис, у тебя гости! – чем избавил Лидию от необходимости нажимать на гудок.

– Паппи Бохэннон, судя по всему, тоже сегодня не в настроении, – заметила Лидия.

– Послушать Трэвиса, так у Паппи Бохэннона настроение всегда одинаковое. Оно называется сволочным, и лечению это не поддается.

Через несколько секунд из дома, переваливаясь, вышел Трэвис, или, скорее, вылез. Как там говорят о медведях? Все его 198 сантиметров роста и 113 килограммов веса. Его растрепанные вьющиеся рыжие волосы и неравномерно отросшая подростковая борода еще не высохли после душа. Он, как всегда, был в черных рабочих ботинках, черных джинсах фирмы Wrangler и мешковатой черной рубашке, застегнутой на все пуговицы. На шее у него красовалось безвкусное ожерелье с оловянным драконом, сжимающим в лапах фиолетовый кристалл, – памятный сувенир с какого-то фестиваля с тематикой эпохи Возрождения. Трэвис никогда его не снимал. А в руках он держал книгу в мягком переплете, с загнутыми уголками. Это был один из томов серии «Кровавые распри» – его неизменный аксессуар.

На полпути к машине Трэвис остановился, поднял палец вверх, а потом развернулся и, едва не запнувшись, побежал обратно к дому. Лидия, наклонившись вперед и положив обе руки на руль, посмотрела ему вслед.

– О, нет, дубинка, – пробормотала она. – Он забыл ее.

Дилл со стоном поднес руку к лицу.

– Ага, дубинка.

– Деревянная дубина, – произнесла Лидия высокопарным средневековым голосом.

– Волшебная дубина королей, лордов, магов и эльфов... или кого там еще.

Трэвис снова вышел из дома – с дубинкой, на которой были неуклюже вырезаны символы и лица. Отец как будто с упреком посмотрел на него и, покачав головой, вернулся к своей работе. Трэвис открыл дверцу автомобиля.

– Всем привет.

– Дубинка? Ты серьезно? – сказала Лидия.

– Я же всегда беру ее с собой в поездки. Да и вдруг она пригодится нам для защиты? Нэшвилл – место опасное.

– Точно, – произнесла Лидия, – но по нему не разгуливают бандиты с дубинками. У бандитов уже давно есть пистолеты. А пистолет победит дубинку в игре «пистолет – дубина – ножницы».

– Сильно сомневаюсь, что в Нэшвилле нам придется сражаться на дубинках, – добавил Дилл.

– Но она мне нравится, и мне спокойно, когда она со мной.

Закатив глаза, Лидия воткнула передачу.

– О господи. Ладно, парни, за дело. Это последний раз, когда мы едем вместе за шмотками к школе, и слава богу.

Услышав эти слова, Дилл понял, что страх, поселившийся у него внутри, в ближайшее время отступить не собирается, а может, вообще никогда. Последнее унижение? Из этого не выйдет даже хорошей песни.

2

Лидия

Вдали показался Нэшвилл. Очертания зданий вырисовывались на фоне неба. Лидии нравился этот город. Университет Вандербильта в Нэшвилле числился в составленном ею списке вузов: не в самом верху, но все же. При мысли об учебных заведениях у нее поднималось настроение – как бывало и тогда, когда она оказывалась в большом городе. В целом сегодня, накануне первого учебного дня, она чувствовала себя намного счастливее, чем в прошлые годы. Можно было только догадываться, какие эмоции она будет испытывать перед началом следующего учебного года – уже в университете.

Когда они въезжали в Нэшвилл, Дилл смотрел в окно. Чуть раньше Лидия вручила ему свой фотоаппарат и назначила его экспедиционным фотографом, но он забыл, что нужно делать снимки. Как обычно, он сидел с отсутствующим, меланхоличным видом. Однако сегодня все было несколько иначе. Лидия понимала, что поездки в Нэшвилл вызывают у Дилла смешанные чувства из-за отца, и сознательно старалась выбрать путь, отличный от того, которым он обычно ездил к отцу в тюрьму. Она немало времени потратила на планирование маршрута в Google Maps, но все было тщетно: из Форрествилла в Нэшвилл вело не так много дорог.

Возможно, Дилл рассматривал строения, мимо которых они проезжали. Домов настолько обшарпанных и тесных, как его собственный, в Нэшвилле, казалось, не существовало даже в самых захудалых районах, по крайней мере, там, где они ехали. А может, он размышлял о музыке, которая текла по венам этого города, или что-то другое всецело захватило его мысли. От него всего можно было ожидать.

– Эй, – осторожно окликнула его Лидия.

Вздрогнув, Дилл повернулся.

– «Эй» что?

– Ничего, просто «эй». Ты что-то притих.

– Мне сегодня не особо хочется разговаривать. Задумался.

Они пересекли реку и въехали в восточную часть Нэшвилла. Миновав несколько кофеен и ресторанов, Лидия припарковалась у восстановленного одноэтажного домика в стиле «искусства и ремесла»[1 - Американский архитектурный стиль начала XX в.]. На вывеске краской была сделана надпись «Чердак».

Трэвис потянулся за дубинкой.

Лидия предостерегающе подняла палец.

– Не надо.

Они вошли в магазин, но только после того, как Дилл – по просьбе Лидии – сделал два снимка. На первом она стояла рядом с вывеской, на втором – облокотившись на широкие перила крыльца.

В магазине пахло старой кожей, шерстью и джинсовой тканью. Урчал кондиционер, выдувая прохладный воздух с отдушкой плесени. Из невидимых глаз динамиков звучала песня группы Fleetwood Mac.

Деревянный пол скрипнул под их ногами. Миловидная блондинка богемного вида лет двадцати с небольшим сидела за прилавком-витриной, где были разложены украшения ручной работы, и внимательно смотрела на экран своего ноутбука. Отдельные прядки ее волос были выкрашены в клубничный цвет. Она подняла глаза на вошедших.

– Ух ты, мне нравится ваш образ, – сказала она, обращаясь к Лидии. – Просто огонь!

Лидия сделала реверанс.

– Ну спасибо, мадам хозяйка. А мне – ваш.

Лидия бросила на Дилла взгляд, в котором ясно читалось: попробуй найди такое отношение в дурацком торговом центре.

– Ищете что-то конкретное?

Лидия схватила Дилла под руку и потянула вперед.

– Подходящую одежду, классный прикид, чтобы по этому парню пускали слюни все женщины в районе плато Камберленд, штат Теннесси.

Дилл отвел взгляд и произнес сквозь сжатые зубы:

– Лидия, может, сначала просто примерим что-нибудь?

Девушка за прилавком ахнула.

– Меня родители тоже хотели назвать Лидией, а остановились на Эйприл.

– Ведите нас к вещам, мисс Эйприл, – сказала Лидия. – Я смотрю, коллекция у вас что надо.

Дилл то и дело удалялся в примерочную, а Трэвис сидел на скрипучем деревянном полу и читал книгу, полностью отрешившись от происходящего. Лидия была в своей стихии: она редко бывала счастливее, чем в те моменты, когда подбирала для Дилла одежду. Ее маленький благотворительный модный проект.

Она протянула Диллу очередную рубашку.

– Нам нужна какая-нибудь специальная песня для примерки: «Let's Hear It for the Boy» или что-то подобное. И в какой-то момент ты такой выходишь из примерочной в костюме гориллы или типа того, а я тут же отрицательно качаю головой.

Дилл надел рубашку, застегнул пуговицы и повернулся к зеркалу.

– Ты смотришь чересчур много старых фильмов.

Наконец они отобрали стопку рубашек, джинсы, джинсовую куртку, отороченную овечьим мехом, и сапоги.

– Мне нравится подбирать для тебя винтажную одежду, Дилл. У тебя фигура как у рок-звезд семидесятых. На тебе все сидит хорошо.

Пометка на будущее: у всех моих университетских бойфрендов должна быть фигура как у Дилла. На парне с таким телом все отлично сидит. Вообще-то, на парне с таким телом и сидеть наверняка тоже... в общем, да, одежда сидит на нем отлично.

– У меня не хватит на это денег, – произнес Дилл едва слышно.

Лидия похлопала его по щеке.

– Расслабься.

Эйприл пробила вещи: тридцать долларов за три рубашки, еще тридцать – за куртку, сорок – за сапоги, двадцать – за две пары джинсов – всего сто двадцать долларов.

Лидия облокотилась на прилавок.

– Ладно, Эйприл, давай так. Будет здорово, если ты отдашь нам все это за пятьдесят баксов, а я обещаю, что ты об этом не пожалеешь.

Эйприл сочувственно наклонила голову.

– Ах, солнце, жаль, но не могу. Хотя вот что: я скину до сотни – это цена для друзей, потому что я бы с радостью с тобой подружилась.

Лидия перегнулась через прилавок, жестом показав на ее ноутбук.

– Можно мне?

– Конечно.

Лидия набрала в браузере название сайта – Dollywould – и стала ждать, пока загрузится страница. Потом развернула компьютер к Эйприл.

– Заходила сюда когда-нибудь?

Эйприл, прищурившись, посмотрела на экран.

– Ага... что-то знакомое. Скорее всего, заходила. Не здесь случайно была статья о лучших винтажных магазинах в Теннесси?

– Здесь.

Эйприл прокрутила страницу.

– Ну да, заходила. Статья была классная.

– Спасибо.

– погоди, так это ты ее написала?

– Ее и все остальные статьи на Dollywould. Это мой сайт.

У Эйприл открылся рот.

– Не может быть. Ты серьезно?

– Ага.

– Сколько тебе... восемнадцать?

– Семнадцать.

– Где же ты была, когда я училась в старших классах?

– В Форрествилле, Теннесси, мечтала стать похожей на тебя. Как ты рекламируешь свой магазин?

– В основном посредством сарафанного радио. У меня небольшой бюджет на продвижение. Иногда, если прибыль за месяц нормальная, даю рекламу в Nashville Scene.

– Что если я подробно расскажу о твоём магазине на Dollywould, а ты сделаешь нам скидку на эти вещи?

Эйприл забарабанила пальцами по прилавку.

– Не знаю даже.

Пока Эйприл раздумывала, Лидия вытащила свой телефон и принялась что-то печатать. Потом положила телефон на прилавок, отошла назад и широко улыбнулась, скрестив руки на груди. Её телефон почти сразу же начал вибрировать и издавать звуковые сигналы.

– Что там? Что ты сделала? – спросила Эйприл.

– Решила дать тебе некоторое представление о том, что я предлагаю. Ты есть в Twitter?

– У моего магазина имеется аккаунт.

– Я написала твит для своих ста двух тысяч шестисот семидесяти восьми читателей о том, что в настоящий момент стою в лучшем винтажном магазине штата Теннесси, и порекомендовала им тоже сюда заглянуть.

– Вау. Спасибо, я...

Лидия подняла палец и снова взялась за телефон.

– Подожди-ка. Давай посмотрим, что у нас тут. Та-ак, семьдесят пять лайков, пятьдесят три ретвита. «Спасибо за совет, обязательно загляну... Всегда доверяю твоему вкусу... Нужно сгонять в Нэшвилл, может, встретимся и устроим совместный шопинг?..»

– А если...

Лидия снова подняла палец кверху.

– О-о-о, вот это шикарно. Сандра Чен-Либовиц. Это имя, вероятно, ни о чем тебе не говорит, но она – заместитель директора отдела моды в Cosmo. Посмотрим, что она написала... «Отличная рекомендация, я как раз делаю обзор по Нэшвиллу. Спасибо!» Так что твой магазин, скорее всего, попадет на страницы журнала. Я тебя убедила?

Эйприл еще секунду смотрела на Лидию, потом с усмешкой вскинула руки вверх.

– Ладно, ладно. Твоя взяла.

– Наша. Наша взяла.

– Так ты наверняка самая крутая девчонка в школе, я права?

Лидия рассмеялась, и Дилл с Трэвисом засмеялись следом.

– Господи, да, я самая крутая. Но самая ли популярная? Просто скажу, что моя известность в интернете мало влияет на мой имидж среди одноклассников.

– Это имидж с несколько негативной окраской, – добавил Дилл.

– Да, он прав. Что можно сказать о репутации девушки в школе, если у нее есть свое мнение по любому вопросу и она привыкла выражать его вслух?

– Что ж, я под впечатлением, – сказала Эйприл.

– Чудесно. А теперь, пока ты рассчитываешь моего друга, я, пожалуй, прикину, как мне лучше всего потратить здесь свои три сотни долларов.

– А как насчет тебя? – обратилась Эйприл к Трэвису. – Не уверена, что у нас тут много чего есть для такого высокого парня, но что-то, возможно, найдется.

Трэвис залился краской и, подняв глаза, кривовато улыбнулся.

– О нет, спасибо, мэм. Я каждый день ношу практически одно и то же, чтобы не тратить на это время.

Эйприл с Лидией переглянулись. Лидия покачала головой, и на лице Эйприл отразилось понимание.

* * *

Лидия без труда нашла, на что потратить свои деньги. Прежде чем уйти, она попросила Дилла сфотографировать ее в новых нарядах. Они сделали около пятидесяти снимков, на которых она по-разному сочетала вещи, а потом еще около двадцати совместных кадров Лидии с Эйприл. Девушки обменялись номерами телефонов и договорились держать связь.

Не успели друзья выйти на улицу, как их кожа покрылась пленкой пота. На улице было не меньше 35 градусов. Послеобеденное солнце палило нещадно.

Гул цикад напоминал биение сердца на ультразвуковом аппарате.

Лидия жестом подозвала друзей.

– Давайте сделаем пару фоток вместе. Наша последняя школьная поездка в Нэшвилл.

Дилл выдавил из себя улыбку.

– Ну давай, приятель, ты можешь и лучше, – сказала ему Лидия.

Он попытался снова – безрезультатно.

– Слушай, Лидия, можешь сфотографировать меня с дубинкой? – обратился к ней Трэвис.

Лидия была в полном восторге от удачной сделки для Дилла, своих собственных обновок и новоиспеченной стильной подружки. И тем не менее последовательности ради притворилась раздраженной.

– О, ладно, валяй, неси дубину.

Трэвис ломанулся к машине, взял дубинку и, вернувшись, принял мрачный, отрешенный вид.

– Давай.

Лидия сделала несколько снимков. Трэвис менял позу: оперся на дубинку, потом замахнулся ею, будто для удара.

– Только сфоткай меня так, чтобы было видно ожерелье с драконом.

– Чувак, я не новичок в этом деле и умею акцентировать внимание на аксессуарах.

Когда она закончила фотографировать, Трэвис подошел к ней, чтобы посмотреть на получившиеся кадры. Его лицо осветила широкая, детская улыбка. От него пахло потом, а одежда отдавала прелым запахом, словно очень долго пролежала в стиральной машине, прежде чем ее достали сушиться.

– А я хорошо смотрюсь, – пробормотал он, – прямо как Рэйнар Нортбрук из «Кровавых распрей».

Дилл, вытянувшись, заглянул в телефон.

– О, да на этих снимках черным по белому написано: «Рэйнар Нортбрук», – пошутил он.

Лидия хлопнула в ладоши.

– Джентльмены, я хочу есть. Поехали в Panera.

– Там слишком пафосно. Я хочу в Krystal, – сказал Трэвис.

– Ну, нет.

– Да брось, ты же музыку по дороге выбираешь.

– В Форрествилле есть Krystal, а Panera нет. Мы не для того сюда столько ехали, чтобы поесть в тупом Krystal и заработать себе ту же диарею, что и в Форрествилле.

– Пусть Дилл выберет. Он разрешит наш спор.

Дилл все это время смотрел куда-то в пустоту.

– Я... не голоден. Поем дома.

– Это неважно, – сказал Трэвис, – проголосовать-то ты можешь.

– Проголосуешь за Krystal – пойдешь домой пешком, – заявила Лидия.

– Тогда мой голос за Panera, – сказал Дилл и искренне улыбнулся.

В конечном счете для Трэвиса они купили еду в Krystal.

3

Дилл

Дилл очень надеялся, что на обратном пути, когда он спросит, могут ли они заехать в тюрьму, Лидия скажет, что ей нужно домой и у нее нет времени ждать, пока он пообщается с отцом. Но нет.

Тюрьма «Ривербенд» располагалась в обманчиво красивой, живописной части Нэшвилла. Массивные бежевые строения с узкими окнами стояли в окружении гряды холмов и роскошных лесных насаждений.

– Я ненадолго. Вы же знаете: терпеть не могу это место, – сказал Дилл, выбираясь из машины.

Лидия что-то печатала на своем телефоне.

– Не волнуйся, приятель. Я пока начну писать пост для блога, про возвращение в школу.

Трэвис молча поднес книгу поближе к лицу.

– Вообще-то, ребят, вы должны были сказать, что спешите домой, – пробурчал Дилл.

– Ой, ладно, – сказала Лидия, не поднимая глаз. – Давай, Дилл, побыстрее там, а то меня посадят под домашний арест или высекут.

– Ага, поторопись, – добавил Трэвис. – Я хочу поскорее вернуться домой и потусить с папашей, а не читать здесь свою любимую книгу.

Дилл смущенно улыбнулся и показал им средний палец. Потом, глубоко вздохнув, направился ко входу в главное здание, прошел через пост охраны и отметился в журнале. Охранники отвели его в комнату для посетителей. Все в ней выглядело совсем не так, как показывают по телевизору. Здесь не было прозрачных разделителей и телефонных трубок. Только большое помещение с круглыми столами, у каждого из которых стояло по два-три стула, и несколько торговых автоматов. Эта комната напоминала школьную столовую, и пребывание здесь доставляло ему ровно столько же удовольствия. Воздух казался спертым, прохлада была едва ощутимой: в здании определенно имелась система кондиционирования, но в силу каких-то финансовых или моральных

ограничений ею не пользовались должным образом. В помещении дежурило несколько охранников.

Дилл был единственным посетителем. Он сел за стол и принялся барабанить по нему пальцами. Ноги его тоже постоянно подпрыгивали. Скорее бы покончить с этим.

Тут дверь открылась, и в комнату в сопровождении охранника вошел Диллард Эрли-старший. Дилл повернулся и встал.

Его отец был высоким и худым, даже костлявым. У него были глубоко посаженные темные глаза, подкрученные вверх длинные усы и длинные грязные черные волосы, испещренные сединой и собранные в хвост. При каждой новой встрече Дилл отмечал про себя, что отец стал еще жестче, коварнее, нелюдимее, изворотливее. Тюрьма обтесывала его, лишая тех немногих крупниц мягкости и кротости, которыми он прежде обладал. Отец был почти на десять лет старше матери Дилла, но выглядел старше на все двадцать.

На нем были темно-синие джинсовые штаны и светло-голубая грубая рубаша с номером на груди и надписью `tdoc` на спине.

Отец неторопливо подошел к нему настороженной походкой хищника.

– Здравствуй, младший.

Дилл ненавидел, когда его называли младшим.

С секунду они стояли и смотрели друг на друга. Объятия и прикосновения здесь были запрещены. Сидя по другую сторону стола, Дилл чувствовал исходящий от отца запах. Не то чтобы плохой, но очень острый, отчетливый, первобытный дух. Так пахнут давно немытые кожа и волосы.

Они сели. Отец Дилла положил руки на стол. На костяшках пальцев одной руки у него было вытатуировано слово «Марк», а другой – «16:18». Вот такой поворот. И не к лучшему. Не самое обнадеживающее зрелище – замечать за ним все новые странности.

Дилл старался говорить непринужденно.

– Привет, пап. Ты, похоже, татуировки сделал.

Отец посмотрел на свои руки так, словно услышал об этом впервые.

– Да, сделал. Мне здесь не дают практиковать мои обряды, поэтому теперь я ношу знаки веры на собственной коже. Этого им у меня не отнять.

Похоже, ты неплохо справляешься. Все думали, что в тюрьме отцу придется непросто, учитывая, за что его посадили. Но они недооценивали отцовскую харизму. По всей вероятности, если можешь убедить людей брать в руки змей и пить яд, то вполне способен найти себе защиту от тех, кого отец называл «содомитами».

Они сидели друг против друга. Повисла неловкая пауза.

– Ну... как ты тут? – спросил Дилл.

– Живу одним днем, хвала Иисусу.

– Тебя... нормально кормят? – Поддерживать разговор было непросто. В тюрьме даже погода не являлась предметом обоюдного интереса.

– У меня есть все, что нужно. Как дела у тебя и у твоей матери?

– Пытаемся свести концы с концами. Работаем изо всех сил.

В его пристальном взгляде блеснул странный огонек, отчего Дилл ощутил темноту внутри.

– Рад слышать. Работайте, расплатитесь с долгами, чтобы я мог заново отстроить свой приход, когда выйду на свободу. Возможно, ты ко мне присоединишься, если к тому времени укрепишься в вере.

Дилл поежился.

– Да, возможно. Кстати, завтра в школу.

Поставив локти на стол, отец сплел пальцы, словно в молитве.

– Сейчас та самая пора, не так ли? И как же ты проведешь этот учебный год? Будешь ли служить Христу и говорить со своими сверстниками о Спасении и знамениях? Будешь ли за меня делать то, чего я сейчас делать не могу?

Дилл снова поерзал на стуле и отвел взгляд. Ему не нравилось смотреть отцу в глаза. Отец мог одним взглядом убедить человека совершить нечто опасное.

– Я... мне кажется, моих одноклассников мало волнует, что я говорю.

Прекрасно. Лишнее напоминание о том, как я непопулярен в школе, а заодно и повод разочаровать отца. Два в одном. Эти поездки в тюрьму – сущая радость.

Отец подвинулся к Диллу, впившись в него взглядом, и заговорщическим голосом произнес:

– Тогда не говори, а пой. Используй голос, который даровал тебе Господь. Задействуй руки, которые Господь наделил умением играть на струнах. Распространяй Слово Божие через песню. Молодежь любит музыку.

Дилл подавил горькую усмешку.

– Да... только не о змеях и тому подобном. Такая музыка не очень популярна.

– Святой Дух пробудится в них точно так же, как пробуждался в наших прихожанах, когда ты пел и играл перед ними. А к тому времени, как я выйду отсюда, число прихожан увеличится в десять раз.

А что если я просто попытаюсь пережить этот последний учебный год? Не буду делать ничего, что даст им лишний повод меня унижить?

– Послушай, пап, из-за твоего... нашего... положения... мне довольно сложно говорить со своими одноклассниками о таких вещах. Им совершенно не хочется все это слушать, понимаешь?

Отец фыркнул.

– Так, значит, мы уступим козням Люцифера и позволим ему погубить нашу миссию? Отдадим ему победу без возражений?

– Нет, я... я не... – тут Дилл вдруг осознал, насколько абсурдна эта ситуация: человек, сидящий в тюрьме, заставлял его, Дилла, чувствовать себя никчемным. Он даже не смог завершить мысль.

– Помнишь, как ты писал псалмы и пел их вместе с церковной группой? Помнишь это?

– Ага, наверное. Да.

Отец откинулся на спинку стула, отвел взгляд и едва заметно покачал головой.

– Это были прекрасные песни. – Он снова посмотрел на Дилла. – Спой мне.

– В смысле – прямо здесь? Сейчас? – Дилл искал подтверждения тому, что отец шутит. Это было бы в высшей степени редким явлением, и все же.

– Да. Ту, которую ты написал. «И Христос освободит нас».

– У меня нет с собой гитары. К тому же разве это не будет выглядеть... слегка странно? – Дилл кивнул в сторону охранников, которые со скучающим видом переговаривались о чем-то между собой.

Отец повернулся к ним. Его глаза заблестели.

– А ты думаешь, они и без того не считают нас странными?

Верно подмечено. Дилл покраснел. Как если бы с кожи сорвали пластырь. Он поспешно и тихо напел отцу духовную песню. Краем глаза он заметил, что охранники перестали разговаривать и обратили все свое внимание на них.

– Еще, – сказал отец, аплодируя. – Давай новую.

– Я... толком ничего и не писал в последнее время.

– Ты забросил музыку?

– Не совсем. Просто сейчас пишу... немного о другом.

Отец помрачнел.

– О другом. Господь не для того наделил тебя даром петь, чтобы ты восхвалял людей и блуд.

– Я не пишу про блуд. У меня нет ни одной песни про блуд.

Отец наставил на него палец.

– Запомни вот что: Христос – это путь, единственный путь, твой путь к спасению. А музыка – это твой путь к Богу. Моим путем к Богу стало провозглашение знамений веры. Если мы потеряем свой путь к Богу, то лишимся пути к спасению, своей награды в вечности. Понимаешь?

– Ага, понимаю. – Когда Дилл разговаривал с отцом, у него возникало такое чувство, словно он говорит с наделенной разумом кирпичной стеной, которой откуда-то известно про Бога. – Ну ладно, мне пора.

Отец еще больше помрачнел.

– Ты же только пришел. Ты что, проделал этот путь ради того, чтобы побыть здесь пару минут, а потом снова вернуться домой?

– Нет, меня подбросили друзья. Они ездили в Нэшвилл за вещами для школы. Сейчас они на парковке, а там очень жарко. Спасибо им и на том, что согласились подождать меня.

Отец шумно выдохнул и поднялся.

– Ну, тогда тебе лучше вернуться к ним. До свидания, младший. Передай своей матери пламенный привет и скажи, что я ей скоро напишу.

Дилл тоже встал.

– Передам.

– Передай, что я получаю ее письма.

– Ладно.

– Когда мы увидимся?

– Точно не знаю.

– Тогда увидимся, когда Господь того пожелает. Иди с Богом, сын.

Отец Дилла сжал руки в кулаки и, подняв их, свел вместе: Марк, 16:18 – потом развернулся и пошел прочь.

* * *

Выйдя из тюрьмы, Дилл перевел дух. Он почти не дышал там, словно для того, чтобы не вдохнуть ненароком неведомый вирус, бродивший среди заключенных. Избавившись от страха перед встречей с отцом, он почувствовал себя лучше – но ненадолго. Внутри по-прежнему жил тот, первоначальный, страх, поселившийся в нем еще утром.

Он подошел к машине. Лидия как раз объясняла Трэвису, сколько калорий нужно было бы потреблять дракону ежедневно, чтобы он мог дышать пламенем. Ее аргументы, судя по всему, казались ему неубедительными.

Подняв взгляд, она увидела Дилла.

– О, слава богу. – Она завела машину. – Ну что, как твой папа?

– Странный, – произнес Дилл. – Он реально странный.

– А... – начал было Трэвис.

– Если честно, мне не хочется об этом говорить.

– Блин, ну ладно.

– Извини, я не хотел показаться грубым, – сказал Дилл. – Просто... давайте просто поедем домой.

На обратном пути друзья в основном молчали. Трэвис читал книгу. Лидия включила микс Nick Cave & The Bad Seeds/Gun Club и отбивала пальцами ритм на руле. Она по-прежнему была в прекрасном расположении духа. Почему нет? Она чудесно провела день.

Дилл смотрел в окно на деревья, обрамлявшие дорогу. На фоне сплошной зеленой стены на обочине время от времени попадались самодельные кресты – в память о тех, чей путь здесь оборвался. Вдали кружили три стервятника, взмывая выше на восходящих потоках воздуха. Дилл старался запечатлеть в памяти оставшиеся минуты этой поездки.

Последний школьный шопинг. Конец маленького кусочка моей жизни. А я ведь даже не успел насладиться им как следует из-за своего безумного папаши, который с каждым днем становится только безумнее.

Краем глаза он наблюдал за тем, как Лидия ведет машину, за уголками ее губ, как они изгибались кверху в практически перманентной ухмылке, как почти неувлимо шевелились ее губы, неосознанно вторя словам песни.

Запомни это. Напиши на самодельном кресте и воткни его в свое сердце – в память об окончании всего этого.

Когда они въехали в Форрествилл, тени уже были длинными и свет словно лился сквозь графин сладкого чая. Первым они высадили Трэвиса.

Он выпрыгнул наружу, а потом, положив ладонь на крышу, заглянул в салон.

– Еще один год, ребят. Увидимся завтра?

– К сожалению, да, – произнес Дилл.

Трэвис неспешно направился к дому. Дойдя до крыльца, повернулся и еще раз помахал, подняв кверху свою дубинку.

Лидия нажала на газ.

– Я не спешу домой, – сказал Дилл.

– Привычка.

– Не хочешь поехать в парк Бертрам и посмотреть на поезда, пока не стемнело?

– Я бы с радостью, но в ближайшие несколько месяцев мне придется посвящать больше времени своему блогу. Я буду ссылаться на него в заявлении о поступлении в вузы, так что контент должен быть качественный.

– Да ладно тебе.

– Слушай, было бы весело посмотреть на поезда, хотя это ужасно скучное занятие, но нет.

Они подъехали к дому Дилла. Он немного посидел не шевелясь, а потом повернулся к Лидии.

– Значит, в этом году тебе будет не до нас?

На лице Лидии отразился протест. Ее взгляд стал жестким, а восторг от поездки вмиг улетучился.

– Прости, я что-то была невнимательна: а что мы делали последние несколько часов? Ой, точно.

– Я не про это, не про сегодня – в целом. Вот таким будет этот год?

– Э-э-э, нет, чувак. Это мой вопрос. Вот таким будет этот год? Ты будешь не понимать меня и вести себя странно, когда мне придется делать то, что я должна?

– Нет.

– Не слишком многообещающее начало.

– Понял: ты будешь занята. Ладно.

– А ты будешь намеренно неразговорчив и, может, даже немного себе на уме.

– У меня много чего на уме.

– Я серьезно, Дилл. Прошу тебя, не будь таким мерзким, когда у меня дела.

– Я не мерзкий.

– Есть немного.

– Прости.

Они еще с минуту смотрели друг на друга, словно оставляли возможность озвучить еще какие-то претензии или жалобы. Лицо Лидии смягчилось.

– Говоря о другом, половинка моего салата из Panera – так себе обед.

– Я в порядке.

– Уверен?

– Ага.

– Ладно, мне пора. Друзья? – Она потянулась к нему и обняла на прощание.

Дилл еще раз вдохнул ее аромат, словно желая унести его с собой, вместе со своей новой одеждой.

– Спасибо тебе. Не хотел показаться неблагодарным.

– Хорошо, потому что у меня для тебя кое-что есть. – Она вытащила из центральной консоли диск с надписью, сделанной черным маркером: Joy Division/New Order. – Это то, что мы слушали по дороге в Нэшвилл. Я подумала, ты захочешь, чтобы я записала тебе такой.

Дилл постучал по диску подушечками пальцев.

– Ты права. Спасибо.

– И ты просто обязан знать, что «Love Will Tear Us Apart» – моя любимейшая песня на свете.

– Приму к сведению.

– Завтра в семь пятнадцать.

Он показал большой палец.

– Буду ждать.

Дилл вышел из машины и направился к своему дому. Поднявшись по растрескавшимся бетонным ступеням на крыльцо, взялся за ручку двери, но потом решил, что это не лучшая идея: к чему сидеть в мрачном доме дотемна? Он положил диск и пакеты с одеждой на ступени, а сам сел рядом и стал смотреть на табличку у церкви.

«Нет покоя, нет покоя. Нет покоя, нет покоя».

Трэвис

Всякий раз, когда Рэйнар Нортбрук возвращался с охоты, ему радостно было видеть зубчатые стены Нортхоума. Он не многого хотел – лишь усесться рядом с пылающим огнем, растопить усталость за фляжкой медового напитка да побеседовать о покоренных землях и красивых женщинах с начальником караула. Это желание жило в нем до тех пор, пока он не посмотрел вниз с самой высокой башни и не увидел Рэнда Алластейра с его свирепой армией проклятых, которые приближались к его стенам, собираясь начать осаду...

Войдя в дом, Трэвис увидел отца. Тот сидел перед телевизором, положив ноги на кофейный столик, и допивал банку пива Budweiser. На экране шел матч «Брейвс» против «Кардиналс». На коленях у него стояла тарелка с засохшими костями от куриных крылышек. Глаза у него были красные, взгляд – осоловелый.

Не отрывая глаз от экрана, отец спросил:

– Где был?

– В Нэшвилле, с Лидией и Диллом. Они ездили за вещами для школы. Я тебе говорил.

Рыгнув, отец смял банку из-под пива, швырнул ее в кучу таких же смятых банок и взял новую из редющей груды непечатых.

– Купил себе новую одежду? А то ты похож на Дракулу.

Он открыл пиво.

– Нет, мне нравится эта.

Отец издал смешок.

– Да ясен пень, читаешь все это дерьмо о магах и феях.

– Клинт, дорогой, прошу тебя, не ругайся, – из кухни послышался голос мамы Трэвиса, кроткой и такой же рыжеволосой, как и он. Как у столь крошечной женщины родился Трэвис – было загадкой. Вообще-то, не меньшей загадкой было и то, как Трэвис появился у такого человека, как его отец.

– Это мой дом. Хочу и буду, черт возьми, ругаться, – отозвался отец.

– Что ж, очень жаль. Трэвис, ты голодный? Ужинать будешь?

– Нет, мэм. – Трэвис направился было в свою комнату.

– А ну стой. Разговор еще не закончен.

Трэвис повернулся.

– Завтра в школу, – сказал отец.

– Да.

– Я рассказывал тебе, что в старшем классе я был квотербеком? Сделал голевой пас, когда мы играли с командой Атенса в полуфинале. Мэтт тоже был квотербеком.

– Да, рассказывал пару раз. – Трэвис почувствовал острую боль при упоминании о своем погибшем брате. Мэтт всегда садился с ним вечером накануне первого учебного дня и давал небольшое напутствие: объяснял, как общаться с девочками, как не давать себя в обиду, как быть лидером, а не последователем. А вот это, отцовское, напутствие Трэвису выслушивать совсем не хотелось.

– Собираешься провести последний учебный год с членом в руке?

– Нет, сэр. В штанах, как обычно.

– Шутить изволишь?

– Нет, сэр. – Трэвис подался в сторону своей комнаты.

Но отец не закончил.

– Так что ты собираешься делать?

– Ходить на занятия, получать хорошие оценки, окончить школу – учиться, наверное.

Отец ухмыльнулся.

– В этом году снова надерешь задницу какому-нибудь мексикашке?

– Не планирую, – ответил Трэвис. – Алекс оставил меня в покое.

Год назад Алекс Хименес припер Дилла к стенке в столовой и начал играть с ним в игру «пощечина». Суть игры была проста: Алекс замахивался на Дилла с надеждой, что тот не выдержит и ответит ему тем же, чтобы у него был предлог побить Дилла. Как единственный латиноамериканец в классе, Алекс ненамного превосходил Дилла в социальной иерархии, но победа в драке обычно перемещала тебя на ступень выше.

Трэвис подошел как раз в тот момент, когда Дилл увернулся от очередного удара, и сказал Алексу, чтобы тот перестал. Алекс тут же переключил внимание на Трэвиса. Победить в поединке против кого-то, кто гораздо больше тебя? Это по-настоящему упрочит его статус. Трэвис особо ничего не делал, чтобы как-то защититься, пока Алекс не хлестнул его прямо по глазу.

Тогда Трэвис вскипел. Он схватил Алекса за футболку и отбросил его от себя на добрую пару метров. Приземлившись, Алекс подвернул лодыжку, отчего упал и ударился головой о край обеденного стола – хлынула кровь, и у него начались судороги.

Для Трэвиса это был поворотный момент. Если бы он сказал нечто вроде «ну и что теперь, сучонок?» и плюнул в Алекса, то его авторитет, бесспорно, вырос бы.

Но Трэвис вместо этого пытался прорваться к Алексу и как-то ему помочь. Толпа его сдерживала. Он не мог найти себе места: ходил по столовой, запуская пальцы в волосы, рыдал и твердил, как ему жаль. Приехала скорая. Благодаря очевидному раскаянию Трэвис избежал полного двадцатидневного отстранения от занятий. Руководство школы понимало, что если кто-то победил в драке и все равно остался лузером, то исключительно из-за подобной мягкости. Презрение со стороны сверстников было ему достаточным наказанием. А потом на YouTube появилось видео с заголовком «БОЛЬШОЙ ПАРЕНЬ УЛОЖИЛ ХУЛИГАНА И РАЗРЫДАЛСЯ КАК ДЕВЧОНКА», подтвердившее догадки руководства.

Но отец Трэвиса его не увидел (администрация школы, пригрозив исключением выложившему видео, добились того, что через день его удалили). Отец не видел, как Трэвис умолял Алекса простить его, когда тот бился в конвульсиях, закатив глаза и заливая кровью белый линолеум. Он не видел, как Трэвис, появившись в школе после своего кратковременного отстранения от занятий, взял контейнер с маминым банановым пудингом – своим любимым блюдом – и пошел искать Алекса. Тот сидел в одиночестве в столовой, положив закованную в гипс лодыжку на стул. Трэвис предложил ему банановый пудинг. Алекс ничего не сказал, даже не посмотрел на Трэвиса, только оттолкнул от себя контейнер, когда Трэвис попытался вручить его.

Отец Трэвиса знал только то, что его сын надрал задницу какому-то мексикашке, чьи родители, которые не говорили по-английски, явно побоялись обращаться к копам и даже не стали просить его покрыть расходы на лечение их сына. Так и вышло, что тот инцидент стал одним из немногих случаев, когда Трэвис вызвал у него гордость.

– К слову о твоих размерах, – продолжал отец. – На днях встретил тренера. Он сказал, что ты можешь выйти на поле и даже неважно, что ты все эти годы не играл в футбол.

– Рад слышать.

– Я ответил, что ты не умеешь быстро бегать и хорошо ловить. Но ты ведь большая туша, и он может поставить тебя в защиту. – Отец сделал глоток пива и отрыгнул.

– Верно, я большая туша.

– Ну так что, попробуешь сыграть в команде? Чтобы я мог тобой гордиться? Может, мы наконец увидим тебя в обществе нормальной девицы, а не этой лесбиянки, дочери Денни Бланкеншипа?

– Наверное, посмотрим.

Отец презрительно фыркнул.

– Наверное, ты посмотришь. – Он подался вперед, перевернув тарелку с куриными костями, и они высыпались на кофейный столик. – А потом что? После того как окончишь школу? Станешь морпехом, как Мэтт?

Еще один укол, болезненнее первого. Потому что Мэтту это удалось.

– Я об этом не думал. Наверное, продолжу работу на складе пиломатериалов.

– Может, тебе все же стоит подумать о зачислении во флот? Там из тебя сделают мужчину. Мы найдем кого взять на склад.

– Я подумаю.

Отец снова переключил внимание на игру, и повисла тишина. Трэвис постоял немного, глядя на него. В отцовских глазах отражалось происходящее на экране. Трэвис ждал, надеясь, что сейчас отец найдет для него хоть какие-нибудь наставления или слова поддержки перед началом учебного года, и тогда он поймет, что отец в него верит. Как когда-то делал Мэтт.

Но нет – только приглушенный звук отрывки. Трэвис снова развернулся в сторону своей комнаты.

– Расскажу тебе одну историю, – произнес отец, не сводя глаз с экрана. Сердце у Трэвиса замерло, в нем поселилась надежда.

Отец отпил пива.

– Скидывал я как-то этот груз два на четыре, ну, там, где церковь достраивают. Короче, перед этой церквушкой есть небольшой пруд. И вот, смотрю, а в нем

плавают уточки и толстозадая индюшка – все из себя такие довольные.

Трэвис выдавил из себя смешок: лучше уважить отца, когда он словоохотлив.

– Ага, правда забавно.

Конечно, не эти слова он надеялся услышать в качестве поддержки, но все лучше, чем ничего, наверное.

Отец посмотрел на него стеклянным взглядом. Потом снова уставился в телевизор.

– Вот кого ты мне напоминаешь, когда шлендаешь с сыном извращенца-священника и этой твоей подружкой-лесбиянкой: толстозадую индюшку, которая считает себя уткой.

Трэвис застыл на месте, пытаясь осознать сказанное, чувствуя себя так, словно у него из-под ног выбили почву. Он ждал, что отец скажет «ладно, я пошутил», или объяснит, почему симпатизирует индюшкам, или хотя бы пожелает ему удачи в школе. Нет, ничего – только отражение экрана телевизора в глазах. Вот тебе и слова поддержки. Прекрасный, черт возьми, день.

Трэвис прошел к себе в комнату и закрыл дверь, поставив дубинку рядом с ней. Сел за свой дешевый, купленный в магазине Walmart стол из прессованного картона, включил ноутбук, которому было уже девять лет, – он достался ему от Мэтта. Вентилятор жалобно поскуливал, когда Трэвис зашел в интернет и загрузил страницу форума «Кровавых распрей». Он вбил свой ник, Southern_Northbrook[2 - В пер. с англ. «Южный_Нортбрук».), и присоединился к оживленной дискуссии о новой книге «Буря смерти», шестой и заключительной части серии, которая должна была выйти в марте следующего года.

Откинувшись на спинку стула, Трэвис смотрел на свой легион виртуальных друзей: вымышленные имена, аватары с персонажами из мультфильмов или нахмуренными котами. Он был рад, что они у него есть. Пока он пролистывал форум, переходя на различные ветки, вверху экрана появилось маленькое всплывающее окно: личное сообщение. Сердце Трэвиса забилось быстрее. Сообщение, как он и надеялся, было от пользователя с ником autumnlands. Трэвис не много знал об autumnlands, только то, что она была примерно одного с

ним возраста и жила рядом с Бирмингемом, в штате Алабама. Они начали общаться в личке всего неделю назад, после того как Трэвис выступил в ее защиту в жарком споре. Ребята на форуме спорили о том, кем были Проклятые – ходячими мертвецами или существами другого рода.

autumnlands: Привет, что у тебя там?

Southern_Northbrook: Ничего особенного, сижу, отдыхаю. А у тебя как дела?

autumnlands: Тоже отдыхаю. Мне понравилась твоя теория насчет того, что Норрелл Бейн – настоящий сын Торрена Винтеренда.

Трэвис, подпрыгнув на стуле, принялся печатать: я и сам хотел бы быть сыном Торрена Винтеренда, ведь он наверняка гораздо круче моего отца. ЛОЛ.

autumnlands: Уф, прекрасно тебя понимаю. Мой папа порой ведет себя по-дурацки. Постоянно пристает ко мне со всякой ерундой.

Southern_Northbrook: Ага. А мой только что пытался уговорить меня пойти играть в футбол в начале учебного года. Я терпеть не могу футбол. Сравнивал меня с братом. Ненавижу, когда он это делает.

autumnlands: Мои предки все время сравнивают меня с моей идеальной младшей сестрой. Это хуже всего. А вы еще не начали учиться? Это несправедливо, мы начали еще на прошлой неделе!

Southern_Northbrook: Переезжай сюда. ЛОЛ.

Трэвис нажал «отправить» и густо покраснел.

autumnlands: Ладно, но ты должен пообещать мне, что будешь сидеть со мной за одним столом в столовой.

Трэвис почувствовал, как по телу разливается тепло. Он уже начал было сочинять ответ, когда в дверь неожиданно постучали. Только бы не отец. Хотя отец никогда не считал себя обязанным стучаться, прежде чем войти.

– Входите, – крикнул Трэвис.

В комнату шагнула его мама с коричневым бумажным пакетиком в руках. Войдя, она прикрыла за собой дверь.

– Привет, милый. Я сегодня была в магазине и купила для тебя подарочек по случаю начала учебы. – Она протянула Трэвису бумажный пакет. – Так, мелочь.

Трэвис открыл пакет и увидел книгу в мягком переплете, на котором красовалось название «Мятежный рыцарь». На обложке было объемное изображение сурового мужчины с длинными темными волосами, с легкой щетиной на лице, в тунике, под которой видна была загорелая грудь. В одной руке у него был меч, в другой – щит. Трэвис прекрасно знал, какого сорта книгу сейчас держит в руках.

– О боже, мам, спасибо! – произнес он как можно убедительнее. – Выглядит интересно!

Мама явно обрадовалась.

– Я же знаю, как ты любишь читать о рыцарях и тому подобном, и подумала: может, эту ты еще не читал.

– Нет, – мягко сказал Трэвис, пролистывая страницы, – не читал.

– Твой папа желает тебе только добра, – добавила она.

Трэвис приподнял книгу в руках, словно оценивая ее вес.

– Мне хочется, чтобы он делал это получше.

– Мне иногда тоже. Ну ладно, возвращайся к своим занятиям. – Наклонившись к нему, она обняла его и поцеловала в щеку. – Надеюсь, твой первый учебный день пройдет на ура. Я тебя люблю.

– И я тебя люблю, мам.

После того как она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь, Трэвис покачал головой и швырнул книгу на кровать. Он был знаком с подобными произведениями. На самом деле у Трэвиса под кроватью хранилась внушительная коллекция жарких средневековых романчиков. Но он не мог признаться в этом матери.

На экране появилось сообщение от autumnlands: Похоже, ты не хочешь сидеть со мной в столовой. Бе.

Southern_Northbrook: Нет-нет, конечно, хочу. Прости, ко мне мама зашла, я с ней разговаривал.

autumnlands: Ура! Потому что в столовой я обычно сижу совсем одна. У меня не так много друзей в моей тупой школе. Никому не нравятся «Кровавые распри».

Southern_Northbrook: На все сто тебя понимаю. У меня двое друзей, и они классные, но даже они не разделяют моей любви к «Кровавым распрям».

autumnlands: Если мы решили обедать вместе, наверное, мне стоит узнать, как тебя зовут в реальной жизни. Меня – Амелия.

Southern_Northbrook: Хорошее имя, Амелия. А меня – Трэвис.

autumnlands: Рада познакомиться, Трэвис.

Southern_Northbrook: и я, Амелия.

Его сердце словно выбивало: А-ме-ли-я. Пока она печатала что-то в ответ, Трэвис поднялся, быстро пересек комнату, подхватил свою дубинку и, глядя на себя в зеркало, принялся вращать ее над головой, насколько это было возможно в ограниченном пространстве его комнатки.

Возвращаться домой после общения с Лидией было невыносимо. Все равно что просыпаться после того, как увидел счастливый сон. Дилл открыл дверь. Дом встретил его тишиной и духотой. Он положил музыкальный диск на кухонный стол и прикинул, чем можно поужинать: не так чтобы обнадеживающе. В итоге он сымпровизировал – приготовил запеканку из пары помятых банок зеленой фасоли, пары банок грибного крем-супа и упаковки просроченного сыра – все эти продукты достались ему бесплатно в качестве поощрения за работу в универмаге Floid's, где он упаковывал продукты в пакеты и раскладывал товар на полках.

Дилл отправил получившуюся бурду в духовку, после чего пошел в комнату и, воткнув в розетку шнур от кондиционера, начал играть на гитаре. Он трудился над новой композицией, которую никто никогда не услышит, – песней о конце, о людях, которые оставляют тебя в прошлом.

Примерно в 20.45 Дилл услышал тарахтение: к дому подъехала его мать на своей «шевроле кавальер» 1992 года выпуска. Вскоре она вошла в гостиную, буквально источая усталость.

– Как поработала?

– Тяжко. Пришлось развернуть около двадцати ребят твоего возраста, пытавшихся купить пиво.

С тихим стоном она рухнула в обшарпанное кресло и стала тереть лицо ладонями.

– Ты выпила свои таблетки для спины? – спросил Дилл.

– Они закончились. Не на что купить до зарплаты.

Дилл пошел в кухню и проверил запеканку.

– Ужин готов, – позвал он.

Мама, охнув, поднялась с кресла и, держась за поясницу, медленно выпрямилась. Кряхтя от боли, вошла в кухню и села за стол. Взяла в руки диск Дилла.

– Что такое Joy Division и New Order?

Черт. За годы дружбы с Лидией Дилл развил в себе особенный талант: с ходу превращать любую группу в христианскую. Arcade Fire – это про адское пламя, которое познают те, кто отрекается от Христа, делая выбор в пользу видеоигр. Fleet Foxes – это отсылка к библейскому сюжету, когда Самсон ловил лис, привязывал факелы к их хвостам и отпускал их жечь поля филистимлян. Radiohead – про то, что человеческий ум должен быть живым проводником Святого Духа, подобно радиоантенне.

– О... New Order... это про новый порядок, который установит Христос, когда вернется на Землю и воцарится здесь... Joy Division... тут про то, что люди делятся на тех, кто спасся и возрадовался, и тех, кто нет. Это христианские группы.

Либо это объяснение показалось матери удовлетворительным, либо она слишком устала для того, чтобы спорить. Вероятно, первое, так как для споров силы у нее всегда находились.

Дилл достал блюдо с запеканкой из духовки. Пахло нормально. Еда была горячей, с корочкой из расплавленного сыра. Члены семьи Эрли не привередничали в еде. Дилл достал из холодильника уже зачерствевший белый хлеб – четверть буханки. Взяв пару тарелок и ложек из сушилки рядом с раковиной, накрыл на стол и разложил еду по тарелкам. Они с матерью ели молча.

– Как съездил в Нэшвилл? – наконец спросила она.

– Хорошо. Лидия помогла мне купить приличные вещи за небольшую сумму.

Мать промокнула рот салфеткой.

– Мне бы хотелось, чтобы среди твоих друзей было больше верующих прихожан.

– Трэвис ходит в церковь.

– Не уверена насчет него. Он всегда в черном, еще это ожерелье с демоном на шее.

– С драконом.

– Все одно. Перечитай откровение Иоанна Богослова.

Дилл встал, чтобы налить еще воды в стаканы.

– А Лидия не посещает церковь, – сказала мама.

– Да, но я же как-то говорил тебе, что она из епископальной или пресвитерианской церкви. Она христианка.

Мама фыркнула.

– Хотелось бы мне посмотреть, как члены епископальной церкви поднимают змей или говорят на иных языках. Знамения сопровождают уверовавших.

– Не могу же я выбирать друзей исходя из того, желают они взять в руки гремучую змею или нет.

– Можешь, конечно. Только вот не станешь.

– В любом случае теперь все несколько осложнилось. Единственный пастор, раздававший змей, попал в тюрьму.

Мама пристально посмотрела на Дилла.

– Потешаешься?

– Нет, поверь мне, я его сегодня навещал.

Мама снова посмотрела на него, и ее взгляд стал особенно внимательным.

– Мог бы сразу рассказать. И как он?

Дилл отправил кусок запеканки в рот и принялся медленно жевать, обдумывая ответ.

– Нормально, судя по всему. Я не знаю, что нормально для заключенного. Похоже, завел друзей, потому что у него на пальцах появились татуировки.

Мать Дилла наморщила лоб.

– Seriously? Татуировки? И что они изображают?

– Марк, шестнадцать, восемнадцать – на костяшках восьми пальцев.

Мать Дилла уставилась в свою тарелку.

– Он способен услышать глас Божий. Я не всегда находила объяснение его деяниям, но верю, что так возжелал Господь.

Она подобрала последний кусочек запеканки засохшей корочкой хлеба. Я не был бы так уверен, что за всеми поступками отца стоит желание Господне. Отчего-то я в этом сомневаюсь.

Дилл отнес тарелки в раковину, залил их водой, осторожно открыл ящик, чтобы, не дай бог, не сорвать его с направляющих, достал из него кусок пищевой пленки (которую они мыли и использовали повторно), завернул в нее остатки запеканки и убрал в холодильник.

– Тебе лучше поспать, если собираешься завтра в школу, – сказала мама.

– Почему это «если»?

– Потому что я не принуждаю тебя туда ходить – я тебе говорила.

– Наверное, я решил, что ты это не всерьез.

– Я говорила серьезно, когда ты пошел на полную ставку в магазин. Ты им нравишься, сделают тебя менеджером. Не успеешь глазом моргнуть, как будешь зарабатывать тридцать пять тысяч в год – это очень даже реальные деньги.

– А как же диплом?

Поверить не могу, что я отстаиваю свое право ходить в школу.

– Ты умеешь читать, писать, складывать, вычитать. У тебя есть возможность устроиться на хорошую работу. Для чего тебе эта бумажка? Мне важно лишь одно: чтобы ты знал Писание.

Дилл оттирал блюдо.

– Лидия собирается поступать во все лучшие университеты Америки; а моя мама тем временем советует мне бросить школу.

– Папа Лидии – дантист, и мама у нее тоже работает. У них нет таких долгов, как у нас. Бессмысленно сравнивать себя с ней.

– Бессмысленно, верно.

– Твой папа не заканчивал старших классов. А я бросила школу, чтобы выйти за него.

Дилл поставил блюдо, повернулся и недоверчиво посмотрел на мать.

– Ты же не думаешь, что меня это должно убедить.

– Однажды ты поймешь, что от своего имени не уйти.

Однажды?

– Ага, возможно, уже в этом учебном году, в школе. Там мне очень настойчиво пытаются это втолковать. Спокойной ночи.

Дилл поставил блюдо в треснувшую белую сушилку из пластмассы и пошел в свою комнату. Взявшись за ручку двери, приподнял ее на сломанной дверной петле и закрыл. Сел на свою односпальную кровать – единственный предмет мебели в комнате помимо комода фирмы Goodwill. Бугорчатый матрас крякнул под его весом. Дилл вставил свой новый диск в старенький CD-плеер, который ему когда-то отдала Лидия. Воткнул наушники в уши и лег, положив руки под голову.

Порой музыка была лучшим лекарством от одиночества. Но иногда он чувствовал себя так, словно сидел на дне высохшего колодца и смотрел вверх, в небо, и музыка не помогала. Сегодняшний день стал для него началом конца, а для Лидии был началом начала. Дилл вздохнул.

Никакой песне не под силу это исправить.

6

Лидия

Когда Лидия вернулась домой, ее родители смотрели телевизор, сидя на диване в гостиной. Мама – с бокалом красного вина, подоткнув ступни под папину ногу. Перед ними, на кофейном столике из переработанной древесины, стояла коробка с пиццей. У папы Лидии была особая любовь к индустриальному антиквариату. Он заполнил этими вещами весь их дотошно восстановленный дом в викторианском стиле. Порнографией ему служил каталог реставрационного оборудования.

– Привет, детка, – сказал ей папа. – Хорошо съездила в Нэшвилл?

Лидия подняла пакеты с одеждой вверх.

– Я понял. «Эл Гор» тебя не подводил?

– Настоящий Эл Гор, который живет в Нэшвилле? Мы не пересекались.

– Твой автомобиль, «Эл Гор». С ним все нормально?

«Эл Гор» (первый «приус» в Форрествилле) достался Лидии по наследству от отца.

– Не, он нас не подводил. – Лидия скинула сапоги и, плюхнувшись на диван по другую сторону от отца, тоже засунула ступни под его ногу.

– Ты не голодна? – спросила мама. – У нас тут пицца из Pizza Garden.

– Этому городу нужна нормальная пиццерия, – заявила Лидия.

– Еще годик – и ты окажешься в каком-нибудь потрясающем большом городе, где будет столько пиццерий, что всего и не перепробуешь, – сказала мама.

– Ага, – ответила Лидия, – но год – долгий срок, если учесть, что ровно столько мне еще есть второсортную пиццу.

– Ты такой сноб, – сказал ее папа. – Эта пицца вполне нормальная. Разве пицца вообще может быть плохой?

– «Сноб» – в данном случае синоним фразы «человек, у которого разборчивый вкус», но я соглашусь с тем, что Pizza Garden более-менее справляется с задачей, по крайней мере, если не брать в расчет пиццу с ветчиной и ананасами.

– Это относится ко всем пиццериям, – заметил отец. – Давай, съешь кусочек.

– Не стоит.

– Стоит.

– Мне лень вставать.

Папа наклонился, взял коробку с пиццей и передал ее Лидии.

– Вас покормить, миледи?

– Замолкни. – Она взяла кусок пиццы у него из рук.

– Лидия, перестань, – фыркнула ее мама.

Лидия сняла очки и вытерла смазанную тушь.

– Жаль, что я не могу потусить здесь с вами. Мне сегодня нужно писать в блог. Подписчики ждут пост о школе.

– Дело твое, – ответил папа. – Но прежде сходи-ка посмотри, что там лежит в кухне, на столешнице. В твое отсутствие к нам заглядывала школьная фея. Мы пытались сказать ей, что ты ведешь себя плохо: например, говоришь своему папе «замолкни», – но она не стала нас слушать.

Лидия игриво закатила глаза, встала и направилась в кухню. На столешнице лежал новенький макбук, обвязанный красной ленточкой. Лидия поднесла руки ко рту и завизжала. Если и был у нее в душе какой-то осадок после ссоры с Диллом, то он вмиг испарился. Она побежала в гостиную и принялась обнимать родителей, отчего ее мама едва не пролила вино на диван.

– Нам же не нужно, чтобы твой компьютер подвел тебя в момент подачи заявления в вуз или написания вступительного сочинения, – произнес папа.

– Я люблю вас, чуваки, даже несмотря на всю вашу страсть к второсортной пицце.

* * *

Лидия взбежала на второй этаж. Ее папа всегда с горькой иронией отзывался о том, что она оккупировала целый этаж дома. Ее родители занимали одну спальню, она – вторую. В остальных двух комнатах располагались гардеробная Лидии со множеством вешалок на колесиках и ее рабочий кабинет, где она шила.

Лидия сидела у себя в спальне, за лаконичным современным столом, купленным в Ikea во время поездки в Атланту. Ожидая, пока загрузится ее новый ноутбук,

она просматривала фотографии на телефоне, попутно выкладывая лучшие кадры в Instagram и Twitter.

Ее телефон издал звуковой сигнал. Сообщение от Далии Уинтер: «Уф, завтра в школу!».

С Далией ее свел интернет, а потом они подружились и в реальной жизни. Этим летом Лидия провела две недели в Нантукете, в летнем доме, принадлежащем семье Далии. Возвращаться после этого в Форрествилл было непросто. Зато Лидия утвердилась во мнении, что они с Далией станут отличными соседками по комнате, когда будут учиться в Нью-Йоркском университете, которые обе выбрали в качестве приоритетного вуза. Лидия очень надеялась, что ей повезет и она туда попадет. В том, что поступит Далия, сомнений не возникало. Ее матерью была скандально известная своей деспотичностью Вивиан Уинтер, главный редактор журнала Chic Magazine. Далия могла без труда поступить в любой университет, который придется ей по вкусу, но ей хотелось быть ближе к сердцу модной индустрии, к тому же явно нравилось тусоваться с теми, кто ниже ее по общественному статусу. Отсюда и ее дружба с «бедной» девочкой из Теннесси.

«Вот именно, уф. Ты не представляешь, насколько ужасна моя школа», – написала Лидия.

«Сочувствую. У нас тоже от школы мороз по коже».

«Могу поспорить, что в академии Филлипса в Эксетере все иначе, нежели в школе Форрествилла. Когда у вас начинаются занятия?»

«Ага, возможно. В сентябре».

«Ненавижу тебя (но любя)».

«ЛОЛ, пора бежать, дорогая. Не грусти там, в своей деревеньке».

Лидия отложила телефон и принялась писать пост о поездке в Нэшвилл и о шопинге в «Чердаке», а также изложила некоторые свои мысли по поводу начала учебного года. В какой-то момент она застопорилась и решила отвлечься.

Скачав фотографии из поездки в Нэшвилл на свой новый компьютер, она стала разбирать папку. Вот Трэвис, опирающийся на свою дубинку и изо всех сил старающийся принять угрюмый вид. Открыв новую вкладку, она зашла в почту и вложила фотографии в адресованное ему письмо.

«Ты можешь себе представить: в Нэшвилле мы столкнулись с Рэйнаром Нортбруком (верно написала?). Он просил передать привет. Полюбуйся».

Потом она начала просматривать фотографии, на которых был Дилл: отстраненный, потерянный, загнанный в угол.

Лидия почувствовала уже знакомый ей укол вины и сожаления оттого, что не может использовать эти снимки для своего блога. Когда она ездила на неделю моды в Нью-Йорк, ей удалось поприсутствовать на встрече подростков, которые вели модные блоги. Группа ребят в возрасте от тринадцати до семнадцати лет говорила про контент и сохранность бренда.

«Это так отстойно, когда твои друзья далеки от моды и выглядят соответствующе, и ты не можешь ни рассказать о них, ни показать их в своем блоге. Так неудобно объяснять. Что? Ты что, хочешь сказать мне: „Слушай, прости, но твой стиль дерьмо, поэтому я не могу признаться людям, что я с тобой общаюсь?“. Но такова реальность», – произнесла тогда тринадцатилетняя девочка из Йоханнесбурга таким тоном, будто разочаровалась в жизни, а слушатели понимающе закивали.

Лидия просто сидела и помалкивала. О, я могла бы рассказать вам кое-что о друзьях, которые далеки от моды.

Трэвис был в этом смысле безнадежен и плевать на это хотел.

Дилл? С ним все обстояло иначе. Высокий, с этими темными задумчивыми глазами, острыми скулами, густыми темными волосами (которые она стригла), худощавыми, угловатыми чертами лица и полными выразительными губами – он, вероятно, и недотягивал до ванильных стандартов красоты Форрествилла, но запросто мог бы работать моделью на показах Prada или Рика Оуэнса.

С ним она старалась изо всех сил. И хотя Лидия одевала его в соответствии с тем, кем он являлся: музыкантом из провинциального южного городка, – в блоге она не писала о нем по иной причине. На самом деле он наверняка пришелся бы по вкусу ее аудитории, хотя ей и не хотелось тратить время на общение с теми, кто западет на Дилла (не из чувства собственности, а из-за нехватки времени).

Проблемой являлось его имя. Ее читатели были на «ты» с Google. Меньше всего ей нужно было, чтобы они увидели фотографию Дилла, из чистого любопытства выяснили его имя (а у них были способы это сделать, это уж точно) и набрали его в поисковике. Угадайте, что всплывет в поиске по словам «Диллард Эрли». Очень плохо для бренда Dollywould.

Люди, в том числе и Далия, и без того относились к Лидии с некоторым снисхождением, пусть и благожелательным («Ты такая образованная и прогрессивная для южанки!», «У тебя такой изысканный вкус, как же ты там живешь?»). Они воображали, что она живет в доме... ну, как у Дилла. «Да мой дом наверняка получше вашего, – бормотала она себе под нос, читая их добродушные комментарии. – Мои родители познакомились в Родес-колледже. У нас два „приуса“ и один гибридный внедорожник „лексус“. У меня сотни гигов музыки на моем новехоньком макбуке, у меня есть Netflix и высокоскоростной интернет. Я не гоняю енотов, бегая босиком по трейлерному парку, ребят».

Она пролистала фотографии Трэвиса, Дилла и всей их троицы; выбрала лучшие снимки, где была одна, и некоторые из тех, на которых была с Эйприл (та соответствовала имиджу), и перетащила их на рабочий стол. Ей все еще не хотелось писать пост для блога, так что она отправила сообщение Далии: «Эй. Чем занимаешься? Можем пообщаться?».

«Прости, дорогая, не сейчас. Только сели ужинать с Питером Даймондом. Напиши попозже».

Питера Даймонда считали вундеркиндом, он был одной из недавних и весьма многообещающих литературных сенсаций Бруклина. Он написал уже две книги из цикла, состоявшего из четырех полуавтобиографичных романов в стиле Пруста. В них описывались ежедневные (а иногда почасовые и поминутные) тяготы и творческие искания двадцатилетнего юноши в Бруклине. Несомненно, захватывающее чтение.

«Вот и анонс того, что ждет меня в Нью-Йорке», – подумала Лидия. Она любила Далию, и все же...

Может, таким образом Вселенная намекает мне на то, что пора перестать прокрастинировать. После нескольких отложенных стартов она наконец-то начала писать пост.

Вот о чем я думала сегодня по дороге в Нэшвилл, в этот последний день каникул перед выпускным классом: именно в самом начале учебного года у меня возникает такое ощущение, словно я пытаюсь удержать песок в ладони. А под «песком» я имею в виду время.

Первый день выпускного класса – это когда ты вдруг осознаешь, что лето, возможно, больше никогда не будет для тебя прежним. Еще не войдя в школу, ты понимаешь, что жизнь состоит из ограниченного числа летних месяцев, пролетающих мимо нас в каком-то тумане из мороженого, светлячков, пахнущих хлоркой волос и аромата кокосового солнцезащитного средства на коже. Мы живем чередой моментов и времен года, и наши воспоминания, будто связанные ниточкой, формируют некую историю. Возможно, первые дни в школе – это своего рода граница, которая нужна нам для того, чтобы осмыслить эти моменты детства, жизненный цикл дружбы и...

При мысли о грядущей новой жизни она ощутила прилив восторга и предвкушения.

7

Дилл

Дилл с мрачной решимостью обводил взглядом парковку, наблюдая за тем, как подтягиваются остальные ученики. Однако на сей раз я даже не собираюсь мечтать о том, чтобы год поскорее закончился, потому что, когда он закончится, у меня больше не будет Лидии. «Эл Гор» стоял в задней части парковки – на излюбленном месте Лидии, откуда можно оперативно сбежать после уроков. У

нее даже есть специальный трек – быстрая музыка банджо, – который она включает на айпode во время таких побегов. Как-то так вышло, что сегодня они приехали задолго до начала уроков. Багажник машины был открыт, и Лидия с Диллом сидели на заднем бампере.

Мисс Александер, тренер команды чирлидеров, прошла мимо них.

– Никогда не считала ее сексуальной, как все, – сказала Лидия, когда та отошла на достаточное расстояние.

– Я тоже, – отозвался Дилл.

Лидия, казалось, была довольна его ответом, как будто он прошел некий тест.

– Спорим на двадцать баксов, что однажды ее арестуют за интимную связь с тринадцатилетним подростком.

Лидия аккуратно болтала ногами. На ней были колготки с хаотичным узором, намеренно порванные в нескольких местах. На любой другой девушке они смотрелись бы ужасно. Ее нога соприкасалась с бампером как раз в том месте, где была наклейка со словами «Здоровая улыбка – счастливая улыбка». Ее папа давным-давно предлагал ее снять. «И отчего ты не согласилась?» – как-то спросил Дилл. «Потому что эти слова все так же верны, как и тогда, когда он сам водил эту машину, – ответила ему Лидия. – Плюс это и жутковато, и забавно одновременно».

– Какой дисконт на сексуальность ты ей дашь?

Дилл на мгновение задумался.

– Семьдесят пять процентов.

– О, черт. Это же как в магазине уцененных товаров.

– Народ в нашей школе путает загар и идеальную улыбку с сексуальностью.

– Но не ты.

– Не я.

Лидия снова посмотрела на него с улыбкой, в которой явно читалось: ты прошел тест. Ее зубы были настолько же хаотичными и неидеальными, как и ее колготки. И, по мнению Дилла, и то и другое ей шло. Лидия отвергла предложение отца скорректировать ее улыбку, так же как отказалась снимать наклейку с бампера. Однажды она сравнила свой случай с тем, как ткуются персидские ковры: мастера намеренно оставляют недочеты в своей работе в качестве напоминания о том, что совершенен лишь Бог.

Они продолжали обсуждать проходивших мимо, как комментаторы красной ковровой дорожки, и вот наконец настало время идти в школу.

В тот самый момент, когда Дилл собирался спросить Лидию, какой у нее первый урок, он услышал смех откуда-то слева и, повернув голову, увидел направляющихся к ним Тайсона Рида и его девушку, Мэдисон Лукас. У него сжалось сердце. Ну, поехали.

– Как че, Дилдо? Выпускной год! – произнес Тайсон с притворным воодушевлением и поднял руку, словно собирался дать Диллу пять. – Давай, спортсмен, не заставляй меня ждать!

Дилл ушел в себя. Он отвернулся, игнорируя Тайсона, и стал мысленно читать молитву: благословляйте тех, кто проклинает вас, благословляйте тех, кто проклинает вас. И еще одна мысль подспудно вертелась у него в голове: Господь наказывает меня за то, что я ослушался свою мать и пошел в школу. Теперь не видать мне покоя.

Лидия расхохоталась пронзительным, саркастическим смехом.

– погоди минутку, постой... Я, кажется, поняла, что ты сделал! Ты сказал «дилдо»? Это же его имя! Только с «до» в конце! Обожаю такие замечательные шутки. – Она зааплодировала.

– Рад, что ты оценила, Лидия Хламидия, – сказал Тайсон, а Мэдисон хихикнула за его спиной.

Лидия наигранно открыла рот.

– Чт... Лидия Хла... Ты снова это сделал! Ты придумал смешную шутку, срифмовав мое имя с забавным названием бактерии! Грандиозно!

– Это ты грандиозная, – парировал Тайсон. Мэдисон снова хохотнула, на сей раз громче и отчетливее, словно он наконец-то ступил на ту территорию, на которую она надеялась зайти.

Что-то всколыхнулось у Дилла внутри. Это было не совсем мужество. Скорее, осознание, что ему нечего терять, если его вышвырнут из школы. Возможно, именно этого и хочет для него Господь. И, может, у него получится врезать Тайсону, пока тот ни о чем не подозревает: он просто не ждет от Дилла какой-то реакции. Даже Христос прогнал менял из храма, а дружба Лидии была для Дилла храмом.

Он встал и тут же почувствовал на своей руке теплую ладонь Лидии. Снова сел, стараясь не подавать виду, что его трясет. Голова у него кружилась от прилива адреналина.

– Да, Дилдо, сделай это. Давай же, – подначивал его Тайсон.

Скрестив ноги и обхватив колено, Лидия непринужденно откинулась назад.

– Грандиозная, говоришь? Предположим, что это так, и предположим, что я могла бы сбросить, м-м-м, десять килограммов. Я с легкостью сделаю это, если откажусь от пирожков, бекона и всех тех вещей, ради которых стоит жить. Но ты, – она изящным взмахом руки показала на Тайсона, – туп. И нет ничего, что ты можешь просто не есть, чтобы стать умнее. Ты умрешь идиотом.

– А ты умрешь оттого, что переешь картошки фри, толстозадая Лидия Хламидия.

– Ты действительно этого хочешь? – Она погрозила ему пальцем. – Сразиться со мной в остроумии? Но мне неинтересно тебя унижать, потому что ты слишком туп, чтобы понять, что тебя унизили.

Мэдисон выскочила вперед. Ее лицо напоминало кулак, покрытый автозагаром.

– Ты уродина и внутри, и снаружи. Ты считаешь, что ты лучше всех нас, потому что у тебя брали интервью для New York Times и ты популярна в интернете.

Лидия изучающе смотрела на Мэдисон таким взглядом, которым она окинула бы засорившийся унитаз.

– Поскольку для тебя «умнее» и «лучше» явно не одно и то же, я скажу тебе, что это неправда.

– Вот почему тебя все терпеть не могут, – заявила Мэдисон.

– Чудесно. Мне было бы невыносимо, если бы причиной был, например, запах изо рта или что-нибудь еще.

– Отличные ведьминские колготки, кстати, – сказала Мэдисон. В ее голосе сквозило презрение. – На помойке нашла?

– Нет, это подарок от сестер Малливи, основательниц бренда Rodarte. Они из новой коллекции, но я надеялась, что никто в нашей школе их не заметит.

– Ох уж все эти твои модные дружки, – сказал Тайсон. – Пойдешь теперь плакаться насчет нас в своем блоге?

Лидия снисходительно улыбнулась Тайсону, изогнув бровь.

– О, бог с тобой. Думаешь, ты достаточно значимая персона, чтобы я писала о тебе в блоге? Хотя, конечно же, ты очень много значишь для нас, ты наш особенный малыш.

К ним с утомленным видом подошел Трэвис.

– Привет.

– Тайсон, придумай шутливое прозвище для Трэвиса, – сказала Лидия с озорной улыбкой. Стычка Трэвиса с Алексом, возможно, и не повысила его социальный статус, но люди его все равно боялись. Трэвис был выше Тайсона минимум на двадцать сантиметров и почти на полсотни килограммов тяжелее.

Тайсон схватил Мэдисон за руку.

– Да пошли вы. Мы и так достаточно времени на вас угробили, придурки.

Они удалились. Мэдисон, не оборачиваясь, показала Лидии средний палец. Лидия, Дилл и Трэвис повторили этот жест им в спины. Сердце Дилла все еще глухо колотилось, но он хотя бы снова мог дышать. Возможно, у Бога было для него другое послание.

– Похоже, они никак не переварят то мое интервью? – сказала Лидия.

– Ну ты же назвала нашу школу «модной пустошью», – заметил Трэвис.

– Где полно одевающихся в торговом центре тунеядцев, от которых пахнет так, словно они выжили после столкновения школьного автобуса с автоцистерной, перевозящей дезодорант Ахе, – добавил Дилл.

– Ух ты, парни, вы тоже читали!

– Почему ты не натравишь своих фанатов на тех, кто доставляет тебе неприятности? – спросил Трэвис.

– Ну, прежде всего потому, что люди, которым нравится мой блог, не асы кибербуллинга. И это хорошо. Не хотелось бы мне, чтобы меня читали люди из этой сферы.

Они поднялись и направились к школе – большому зданию неопределенного стиля, построенному в 1970-х и обладавшему колоритом государственной психиатрической лечебницы.

– Мне в ту сторону, ребят, – сказал Трэвис.

– Слушай, почему у тебя такой вид, словно за ночь тебе удалось поспать от силы минут пятнадцать? Ты в порядке? – спросила Лидия.

– Ничего особенного, просто допоздна общался с друзьями с форума. Встретимся после того, как я закончу работу?

– Ага, – ответил Дилл.

Они с Лидией продолжали идти. Она молчала, и у нее был вид боксера, выигравшего поединок: торжествующий, но помятый. Во всяком случае, именно так показалось Диллу.

– Ты совсем не толстая и не уродина, – произнес он.

Лидия засмеялась.

– Очень мило с твоей стороны, но со мной все в полном порядке. Я себя люблю, и никакому Тайсону на это не повлиять. Еще год с этими двуногими кучками дерьма. А потом я никогда больше их не увижу. Ну, если только кто-нибудь из них не продаст мне картошку фри лет через десять. По всей видимости, я ее большая поклонница.

Дилл думал, что ему прекрасно удастся это скрывать, но он и сам, похоже, выглядел побитым.

– Знаешь, а ты не дилдо, – сказала Лидия. – Не понимаю, почему они не прозвали тебя Даллардом[3 - Игра слов: dullard от англ. dull – тупой, бестолковый, скучный.], например: намного забавнее и креативнее. Но для этого требуется большой словарный запас.

– Их слова меня не задели.

– Их? Я, что ли, что-то не то сказала?

Они подошли к основному входу в школу. Мимо них торопился народ.

– Все нормально. Я в порядке. – Дилл шагнул к дверям. Лидия остановила его.

– Не-не-не, постой. Что не так?

– Когда ты говоришь о тех, кто по-прежнему будет здесь через десять лет...

Лидия закатила глаза.

– О господи. Давай прямо сейчас оговорим, что, когда я произношу нечто подобное, я не имею в виду тебя.

– Просто... Что если через десять лет картошку тебе продавать буду я? Значит ли это, что я, по твоему мнению, такой же тупой, как и Тайсон?

– Ты серьезно, Дилл?

– Ты сама спросила, что не так.

– Отлично, ты прав. Я сама спросила. Нет, я не считаю, что я в чем-то лучше тебя. Нет, я не думаю, что ты будешь продавать мне картошку через десять лет. Боже, можно как-то обойтись без драмы? После того как я вступилась за тебя?

– Но что если?.. Что если я окажусь не лучше Тайсона?

– Я этого не допущу, ясно? Сделаю тебя своим старшим лакеем.

– Это не смешно.

– И правда, не смешно. Потому что лакей из тебя выйдет ужасный. Ты всегда будешь витать в облаках и играть на гитаре, когда люди будут стучаться в дверь, а когда наконец откроешь, произнесешь нечто вроде: «Послушайте, разве это не странно, что Земля летит сквозь космическое пространство, а мы с вами не умеем летать», – сказала Лидия, подражая голосу Дилла. – А еще будешь скручивать свои панталоны в узелок всякий раз, когда какой-нибудь гость заденет твои чувства.

– А как насчет того, что ты сказала Тайсону: ну, что он недостаточно значимая персона, чтобы ты писала о нем в своем блоге? Обо мне ты тоже никогда не писала.

Они стояли и смотрели друг на друга.

– Мне действительно необходимо, стоя здесь, в дверях школы, говорить, как ты важен для меня? Что вообще происходит, Дилл? Тебя беспокоит что-то другое.

Прозвенел звонок, предупреждающий о том, что занятия начнутся через пять минут.

Дилл отвел взгляд.

– Нам лучше пойти на урок.

Лидия схватила его за руку.

– Что?

Взгляд Дилла блуждал из стороны в сторону.

– Вчера вечером мама пыталась уговорить меня бросить школу и пойти работать.

У Лидии открылся рот, как это было во время разговора с Тайсоном и Мэдисон, только на сей раз ее удивление было неподдельным.

– Что? Это ужасно. Кто так поступает?!

– Моя мама, по всей видимости.

По коридору прошагал заместитель директора школы, мистер Блэкберн.

– Мистер Эрли, мисс Бланкеншип, первый звонок уже прозвенел. Хоть вы и старшеклассники, опаздывать не положено. Поторапливайтесь.

– Да, сэр, – ответил Дилл, провожая его взглядом, пока он не повернул за угол. – Мама сказала кое-что еще.

– Что?

– Она сказала: однажды я пойму, что от своего имени не уйти.

– Что ж, она ошибается. Поговорим об этом и обо всем остальном, когда будет возможность.

Они разошлись – каждый в свою сторону. Спеша в класс, Дилл уловил запах какого-то едкого чистящего средства.

* * *

Внезапно ему снова двенадцать лет, и он помогает отцу прибраться в церкви субботним утром, чтобы она сияла перед вечерней службой. Он покормил змей, запертых в деревянных клетях, а теперь оттирает одну из церковных скамей – и тут его отец смотрит на него с улыбкой и говорит ему, что Господь им доволен и в поте лица своего будет он есть хлеб свой. И сердце Дилла поет: он чувствует, что угодил отцу и Богу.

* * *

Жить намного проще, когда никто не презирает тебя из-за твоего имени и тебе не приходит в голову его стыдиться.

8

Трэвис

Дневные труды Рэйнара Нортбрука были почти окончены. Как лорду Нортхоума ему совершенно необязательно было марать руки. Он делал это только потому, что любил сладковатый, терпкий запах древесины и насыщенный землистый запах влажной почвы. Благодаря мужской работе его спина и руки оставались сильными и готовыми к войне. А вскоре ему понадобится вся его сила...

– Трэвис! – гаркнул его отец, пытаясь перекрыть пилу. Трэвис поднял глаза. Отец постучал по циферблату часов и пальцем очертил в воздухе круг. – Пора заканчивать! Сворачивайся.

Трэвис завершил работу и выключил пилу. Он работал всего несколько часов. Для этой работы его освободили от школы, так что было еще довольно рано.

Он взглянул на телефон. Два сообщения от Амелии. Сердце радостно забило в груди.

«Как прошел первый день в школе?»

«Упс, забыла, что ты сейчас на работе».

Трэвис поспешил набрать ответное сообщение:

«Ага, на работе. День был неплохой. Я, правда, немного не выспался из-за того, что мы допоздна разговаривали, ЛОЛ. Как ты?»

«Хе-хе, тоже не выспалась. Уф, учеба в школе – полный отстой. С радостью променяла бы один день в своей тупой школе на месяц осады Королевского порта».

«Но вспомни, во время осады Королевского порта им приходилось питаться крысами и вареной кожей, пока брат короля Таргхэера не снял осаду. А я люблю поесть», – ответил Трэвис.

«Хе-хе, точно, я тоже, возможно, даже слишком, и это одна из причин, по которой меня чмырят в школе».

«Не слушай их. Готов поспорить, что выглядишь ты прекрасно». Набирая эти слова, Трэвис покраснел и чуть было не стер сообщение. Но все же отправил.

Пару минут он стоял и ждал ответа. С каждой безответной секундой он все больше падал духом. Он как чувствовал, что ему не стоило писать ей это. Убрав телефон в карман, он направился к офису. Тут в кармане зажужжало. Трэвис едва не выронил телефон из рук, пока доставал. Амелия прислала свою

фотографию. Снимок был сделан под углом и тщательно отретуширован. У нее было круглое лицо, ярко-рыжие крашенные волосы, большие серые глаза, подчеркнутые макияжем, и томно надутые губы. Она держала в руке листок, на котором было написано: «Привет, Трэвис».

«Я был прав», – напечатал Трэвис. Его сердце гулко билось в груди. Он просмотрел свои фотографии, нашел лучшую из тех, которые сделала для него Лидия, и отправил ее Амелии со словами «А вот я. Прости, не на чем писать».

«Какой чудесный снимок. Классная дубинка! Если мы когда-нибудь встретимся, обязательно возьми ее с собой».

«ЛОЛ, а мои друзья бесятся, когда я беру ее. Окей! Мне пора, папа ждет».

«Увидимся на форуме вечером?»

«Ага».

«Пока-пока!»

«Пока!»

Трэвис вскинул кулак вверх, отер пот со лба и зашагал в офис, где под кондиционером, в прохладе, сидели его отец и Ламар, нюхая табак и поплеывая в пустые банки из-под диетической колы.

Ламар бросил Трэвису холодную банку колы.

– Сегодня на свидание, а, парень?

– Нет, сэр. Вечером встречусь с друзьями и сделаю уроки, – ответил Трэвис, наслаждаясь этим ощущением. Да, возможно, немного приврал или сказал правду, но лишь отчасти.

– Ты вообще понял, что употребил слова «Трэвис» и «свидание» в одном предложении, Ламар? Разве ты его не знаешь? – хмыкнул отец Трэвиса.

Как будто ты меня знаешь.

– Ладно тебе. Высокий молодой человек, работающий. Девчонка-другая наверняка имеются, – сказал Ламар.

– Может, и так, – согласился Трэвис, открывая банку.

– Если и имеются, его это не колышет, – произнес его отец так, словно Трэвиса рядом не было. – Чересчур занят своими дружками. Эй, угадай, с кем он шныряет?

Ламар покачал головой.

– С внуком Змеинового короля, – сказал отец.

Ламар посмотрел на Трэвиса, потом на его отца и снова на Трэвиса.

– Что ж, ну надо же. С внуком Дилларда Эрли?

– Нет, – ответил Трэвис. – Вы спутали папу Дилла с его дедом. Папу Дилла тоже зовут Диллардом Эрли. Он и есть змееносец.

Отец Трэвиса удивленно посмотрел на него.

– Нет, я говорю не о пасторе-извращенце. Я имею в виду дедушку Дилла. Хочешь сказать, что Дилл не рассказывал тебе про своего деда, Змеинового короля?

Трэвис озадаченно покачал головой.

– Нет, я даже не знал, что у Дилла такое же имя, как у его деда. Его все это мало волнует.

Отец Трэвиса фыркнул.

– Ты считаешь? – Он хлопнул Ламара по плечу. – Старик, расскажи Трэвису историю Змеинового короля. Ты помнишь ее лучше меня. Он должен это услышать.

Ламар закричал и откинулся на спинку стула, сложив руки на своем пивном животе.

– Господь всемогущий, давненько я не вспоминал о Змеином короле, давненько. – Он потерял свою белую бородку и поправил бейсболку фирмы Carhartt. – Что ж, начать надо с того, что всего Диллардов Эрли трое: Диллард – Змеиный король, Диллард-пастор – сын Змеиного короля и тот, с которым ты дружишь, сын пастора. Он мог бы быть Диллардом третьим, но после смерти бабушки его отец стал Диллардом-старшим, а он – Диллардом-младшим. Я знаю, как это устроено, потому что сам я – третий Ламар Бернс. Но стал Ламаром-младшим после того, как умер мой дед.

Трэвис разложил металлический складной стул и сел.

– Так.

– Ну вот, Диллард – Змеиный король когда-то жил в конце улицы Коув-роуд. У них там был небольшой участок земли, а сам он работал в городе автомехаником. У Змеиного короля было двое детей: Диллард-пастор и маленькая девочка по имени... я забыл уже. Рут, Ребекка... что-то такое.

– Рут, – вставил отец Трэвиса. – Мне кажется, ее звали Рут Эрли.

Ламар плюнул в свою банку.

– Как бы то ни было, Диллард – Змеиный король любил эту малышку. Они приезжали в город каждую субботу и шли за мороженым. Я их видел. Она обычно была в милом белом платьице. Ну так вот, согласно истории, в один прекрасный день Диллард – Змеиный король сидел на крыльце своего дома, что-то обстругивая ножом, и тут раздался крик: «Папа, сюда, быстрее!». Он бросился на крик и увидел Рут, лежавшую на земле. Большая старая гремучая змея укусила ее прямо в шею.

Ламар растопырил пальцы буквой V и ткнул ими в шею.

– Диллард-старший крикнул Дилларду-пастору, чтобы тот вызвал скорую, а сам остался с Рут. Диллард-пастор выполнил поручение, но было уже слишком

поздно. Змеиный яд проник ей в мозг – и пш-ш-ш: мертва. – Ламар провел пальцем поперек горла.

Трэвису стало холодно в насквозь пропитанной потом футболке под кондиционером. После быстро сошедшей на нет вспышки радости оттого, что он увидел Амелию, и кофеина, от которого голова у него пошла кругом, он был рад, что сидит. Ламар тем временем продолжал:

– Ну, значит, он похоронил малышку на своей земле, а потом стал немного чудным. Бытуют догадки, что он начал убивать змей из чувства мести. Должно быть, думал, что лучше переубивать их всех, так как не знал наверняка, которая из них укусила его девочку. Он продолжал ходить на работу, но через некоторое время стал носить приколотые к одежде шкуры змей, а на шее – змеиные головы на веревке. Ну, это было крайне странно, но никто не хотел ему на это указывать, потому что он потерял ребенка. Дальше – хуже: он носил на себе все больше шкур, перестал мыться, бриться и стричь волосы, от него воняло мертвечиной, худел на глазах и сам стал похож на змею. В конечном итоге с работы его все же уволили: он отпугивал клиентов. У него был странный взгляд. Помню, как однажды видел его, после того как ему совсем поплохело. Он тащился по улице, на нем висели змеиные шкуры. Эти его всклокоченные длинные волосы и борода... – Ламар покачал головой. Его взгляд блуждал. Затем он продолжил, понизив голос: – Вот что я вам скажу... Заглянув ему в глаза, ты видел ходячего мертвеца. У меня мурашки, как только вспомню. Я много чего в жизни повидал, был во Вьетнаме. Но никогда не видел ничего подобного. Горе сгноило этого человека изнутри, съело с потрохами. Вот тогда его и стали звать Змеиным королем – не смеха ради, нет. Наверное, народ просто пытался найти этому объяснение. Мы все так поступаем, когда нас что-то пугает. «Смотри, – говорили они, – вон идет Змеиный король». Люди боятся горя, думают, оно заразно, как болезнь какая.

Трэвис дождался, пока Ламар закончит рассказ.

– И что же с ним случилось?

Ламар поерзал на стуле.

– Я знаю только то, что слышал от других. Однажды утром Змеиный король пошел к своей дочке на могилу и лег на нее с бутылкой из-под колы, в которой

был крысиный яд. Он выпил все до дна и прямо там и скончался. Предположим, что Диллард-пастор нашел его там. Можешь это себе представить? Увидеть это своими глазами? Я не удивлен, что Диллард-пастор сам слегка того. Это ему не оправдание, но все же.

Все молчали. Ламар со встревоженным видом смотрел в окно.

– Не нравится мне рассказывать эту часть истории. Да мне в ней ничего не нравится, по правде говоря. Но твой отец меня попросил, а он ведь мне чеки выписывает.

– Не будь бабой, Ламар. – Отец Трэвиса сплюнул в свою банку так, что в ней звякнуло. – Похоже, эти парни, Дилларды Эрли, рано или поздно все слегка с катушек слетают, примерно тогда же, когда решают связаться со змеями.

У Трэвиса возникло чувство, словно у него внутри извивается парочка гадюк. Он передернул плечами, пытаясь осмыслить, сколько же черноты у Дилла в роду. Естественно, об отце Дилла он знал. Но вот это было иное.

– Какая жалость, только подумай, – произнес Ламар, подняв кверху палец. – Все из-за одной змеи.

– Не хнычь, Ламар, – сказал отец Трэвиса. – Разве ты не знаешь историю Адама и Евы? Вообще все из-за одной змеи. Она урыла нас всех, весь наш проклятый род человеческий.

– Похоже, как минимум два старших Дилларда Эрли пытались быть Змеиными королями, каждый по-своему: первый – убивая змей, второй – приручая их, – сказал Ламар, плюнув в банку.

Отец Трэвиса тоже сплюнул, поднялся и похлопал Трэвиса по спине.

– Ты у нас любишь королей, принцев и всю эту туфту. И все же вряд ли тебе захочется оказаться рядом с твоим приятелем, когда он слетит с катушек и попытается занять трон своих деда и отца. С именем ему не повезло – это уж точно.

Дилл

Диллу больше нравилось заниматься в библиотеке, нежели в кофейне Good News. Во-первых, его бесило, что здесь приходилось что-то покупать. Во-вторых, в этой тематической христианской кофейне было чересчур много напоминаний о том мире, о котором ему не хотелось думать, особенно в обществе Лидии. Но она настояла.

– Я возьму гранд-латте от Луки. Погоди... мокко от Матвея... Нет, все-таки латте от Луки. Дилл, я заплачу.

– Не, мне ничего не надо.

– Да брось.

– Ладно, обычный кофе, большой.

Девушка за прилавком с жизнерадостной улыбкой протянула им напитки и пожелала блаженного вечера. Дилл с Лидией нашли свободный столик.

– Почему у нас до сих пор нет Starbucks? – возмущалась Лидия. – Я в буквальном смысле видела Starbucks, внутри которого, в ванной комнате, был еще один, крошечный, Starbucks. И вообще, как кофейня может быть христианской?

– Подразумевается, что обычные кофейни – сатанинские.

– Можно мне, пожалуйста, просто кофе, можно я не буду преклонять колени перед Люцифером и закладывать свою бессмертную душу?

– Вот ваш латте. Наличные, кредитка или кровь девственницы?

Они рассмеялись. Оба не спешили приступать к домашним заданиям.

– Нам в церкви говорили, что логотип Starbucks – сатанинский, – сказал Дилл.

– Ну разумеется, говорили, и разумеется, так оно и есть. И какие приводили аргументы? – Произнося слово «аргументы», Лидия нарисовала кавычки в воздухе.

– Русалка – демон.

– Ах, да. Но ведь ваша новая церковь не настолько эксцентрична, верно? Никаких змей?

– Никаких змей.

– Раз уж мы здесь, в храме христианского кофе, не напомнишь мне строки о змеях?

Именно об этом Дилл терпеть не мог говорить, но уступил.

– Евангелие от Марка, глава шестнадцать, стих восемнадцать. «Они будут брать змей; и, если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы».

– Браво.

– Ты же не знаешь, верно ли я вспомнил.

– Ну, прозвучало как надо, по-библейски. Я доверяю тебе, ведь я пришла сюда с тобой.

– Я не настолько верующий и вызвался пойти в церковную группу только потому, что боялся змей.

Лидия сделала глоток латте.

– Что ж, предполагаю, что играешь и поешь ты вполне неплохо, хотя я и не слышала никогда, как ты делаешь эти две вещи одновременно.

– Наверное. – Дилл пожал плечами.

Лидия, судя по всему, что-то обдумывала.

– Но вернемся к змеям. Думаешь, Иисус действительно имел в виду именно это? Может, он сказал: «И теоретически можно было бы брать в руки змей», а Марк, который за ним записывал, сразу такой: «Нужно непременно брать змей. Клево, Иисус, так и запишем!». А Иисус говорит ему: «Слушай, успокойся ты насчет этих змей. Не нужно быть чудаком, достаточно просто быть порядочным человеком. Это, скорее, нечто вроде метафоры». А Марк сидит и пишет: «Во что бы то ни стало поднимайте самых настоящих живых змей и пейте настоящий, всамделишный яд, как, например, протухший виноградный сок или другие библейские зелья».

– Да кто знает, что он там на самом деле имел в виду? – Дилл старался не подавать вида, что раздражен. Ему импонировало, что Лидия проявляет интерес к его жизни.

– Прости, тебя бесят эти разговоры?

– Не, все нормально.

Дай-ка я превращу эту обитель христианского кофе в черную пропасть лжи.

– Меня отправят в ад за то, что я шучу на эти темы?

– Нет, если мы найдем для тебя парочку змей. И, кстати, я добавил мышьяк в твой латте, когда ты отвернулась.

Они оба снова рассмеялись.

Дилл вздохнул – так, как обычно вздыхал, когда знал, что дольше откладывать уже нельзя. Он достал из сумки учебники и пробормотал себе под нос:

– Домашнее задание в первый же учебный день.

– Слушай, Дилл, погоди минутку, – тихо произнесла Лидия. В ее голосе больше не было сарказма. – Мне нужно кое-что тебе сказать.

У Дилла участился пульс. В последние несколько лет, когда люди предваряли свою речь фразой «мне нужно кое-что тебе сказать», ни к чему хорошему это не приводило.

«Мне нужно кое-что тебе сказать. Твой отец попал в беду».

«Мне нужно кое-что тебе сказать. Ты должен выступить в качестве свидетеля».

«Мне нужно кое-что тебе сказать. Твоя мать попала в очень серьезную аварию, когда возвращалась из Нэшвилла после встречи с твоим отцом, и она может не выкарабкаться».

«Мне нужно кое-что тебе сказать. Если считать дом, церковь, судебные издержки твоего отца и мои счета после аварии, то наш долг составляет примерно двести семьдесят тысяч долларов».

«Мне нужно кое-что тебе сказать. Я оставляю тебя ради лучшей жизни, я не стану вспоминать о тебе и никогда больше с тобой не заговорю», – вероятно.

– Окей, – произнес Дилл.

– Я хочу устроить тебе еще один школьный шопинг. Только выбирать на сей раз мы будем школу.

Дилл тупо смотрел на нее, не вполне понимая, к чему она клонит.

– Университет. Я хочу, чтобы ты поступил в университет.

– Зачем? – Сердце Дилла продолжало лихорадочно стучать. То, о чем хотела поговорить Лидия, оказалось не настолько ужасно, как он опасался, и все же это было совсем не то, что он хотел бы услышать.

– Зачем? – Лидия казалась озадаченной, что в ее случае было редким явлением. Словно прежде ей не приходило в голову, что придется объяснять такое. – Затем. Прежде всего потому, что вуз – это классно. Ты научишься взаимодействовать в большом мире за пределами Форрествилла и будешь лучше подготовлен к жизни. Выпускники вузов зарабатывают намного больше денег. Если брать в расчет всю жизнь, то разница исчисляется миллионами.

– Значит, так: я останусь в Форрествилле, и со мной все будет в порядке. Мне не нужны миллионы. Главное – чтобы на жизнь хватало.

Дилл не смотрел ей в глаза.

– Дилл, кого ты пытаешься обмануть? Ты здесь несчастен. Все эти перешептывания, косые взгляды. Брось. Плюс я была бы рада, если бы у тебя появилась какая-то цель, чтобы ты каждые пять минут не выносил мне мозг из-за того, что у меня она есть.

Дилл скрестил руки на груди.

– Я как раз ждал, когда же мы дойдем до этой части. Для чего это тебе?

Лидия медленно и шумно втянула носом воздух.

– Агр-рх. Речь не обо мне. Речь о том, как ты можешь изменить свою жизнь к лучшему, – а мне, возможно, удастся получить от этого свои дивиденды: например, ты перестанешь вставать в позу из-за того, что я отказываюсь застрять в этом городе на всю жизнь. Я пытаюсь вытянуть тебя.

В кофейню с веселыми возгласами вошли ребята из церковной молодежной группы. Все они были на несколько лет младше Дилла с Лидией. Они заказали капкейки и смузи. И я когда-то был таким. Дилл подождал, пока они пройдут мимо их стола.

– Ты превращаешь меня в какой-то проект, – сказал он, понизив голос. – Тебе уже недостаточно просто одевать меня. Теперь ты хочешь спланировать мою жизнь.

– Издеваешься? Считаешь, что ты для меня – проект?

– Именно так я себя ощущаю: как какой-нибудь творческий проект, как серия снимков для блога. Только не для твоего блога, потому что в твоём блоге меня, судя по всему, не будет никогда.

– Ага, окей, отлично. Это мой проект – сделать твою жизнь лучше. – Она говорила все громче. У Лидии не было явного южного акцента до тех пор, пока она не начинала терять над собой контроль. – Извини, что мне на тебя не наплевать, прости, что пытаюсь помочь тебе.

– Дело в этом или ты просто боишься, что на тебе останется пятно моей жалкой жизни? И теперь тебе нужно отполировать меня и сделать из меня нечто стоящее.

– Нет, чувак. Ты совершенно неправ на этот счет и, если честно, ведешь себя по-хамски. Тебе страшно уезжать отсюда, и ты проецируешь этот страх на меня. Из нас двоих именно ты пытаешься свести все к разговору обо мне. Думаешь, если сможешь убедить себя в том, что я уговариваю тебя поехать из нечистых побуждений, то тебе не придется лицом к лицу столкнуться со своим собственным страхом.

Парочка ребят из церковной группы стала посматривать в их сторону. Лидия бросила на них взгляд, в котором читалось: «Занимайтесь своими делами». Они надулись. Один что-то шепнул другому, словно доказывая высказанное Лидией чуть раньше замечание насчет взглядов и перешептываний. Дилл даже разобрал слова «пастор» и «тюрьма» и всерьез задумался о том, насколько велика вероятность того, что Лидия наняла их в качестве провокаторов. Он бы этому не удивился.

– Послушай, – сказал он почти шепотом, – я и сам хотел бы поступить в университет. Но не могу.

– Почему не можешь?

– Оценки.

– С ними все в порядке. Да, не блистательные, но есть вузы, в которые тебя с радостью примут только за то, что у тебя есть пульс. Важнее то, что ты очень умный. В ином случае я бы просто не стала с тобой общаться. Что еще?

– Мне это не по карману. Даже если моих оценок будет достаточно для поступления, дотацию на обучение я получить не смогу.

– Подашь заявку на финансовую помощь, найдешь работу на неполный день. Еще.

– И все равно мне это будет не по карману. Мне нужно идти на полную ставку, чтобы вытащить семью из долгов. На самом деле мне нужно работать больше, чем полный день.

– Зато ты сможешь помочь семье гораздо эффективнее в будущем, когда у тебя будет образование. Еще что?

– Я никогда это не планировал. Учеба в вузе – не для Эрли. Ни у кого из членов моей семьи нет высшего образования.

Лидия с самодовольным видом качнулась на стуле назад.

– Ну наконец-то настоящая причина. И самая тупая из всех.

– Спасибо, но вообще-то все причины настоящие, особенно необходимость помогать маме. Я – все, что у нее есть. Бабушка с дедушкой умерли. У нас нет поблизости никого, кто хоть как-то держит с нами связь.

– Я не пытаюсь склонить тебя уехать в Сорбонну или Гарвард, Дилл. Поезжай в Университет Теннесси, в Государственный университет Мидл Теннесси, в Государственный университет Восточного Теннесси, в Университет штата Теннесси. Будешь учиться недалеко от дома.

Ребята из церковной группы образовали круг, взявшись за руки, и стали молиться над своими капкейками и смузи. Дилл подождал, пока они закончат.

– Почему ты к Трэвису с этим не пристаешь, как банный лист к заднице?

– Во-первых, не думай, что я неспособна приставать больше чем к одной заднице одновременно.

Я могу... – Группа ребят из церкви неодобрительно покосилась на нее. Она понизила голос до хриплого шепота. – Я могу прилипнуть к куче задниц, к великому множеству задниц. Я провоцирую разрывы пространственно-временного континуума тем, что могу прилипнуть одновременно к стольким задницам. Стивену Хокингу пришлось придумать теорию о существовании параллельных вселенных, чтобы объяснить мое вездесущее прилипание к задницам.

– Так ты пристала к Трэвису или нет?

– Нет.

Дилл закрыл лицо обеими ладонями.

– Послушай, – сказала Лидия, – я не донимаю этим Трэвиса, потому что ему и здесь хорошо. А хорошо ему потому, что он на самом деле живет не в Форрествилле, что в штате Теннесси, а в мире «Кровавых распрей». Трэв будет счастлив укладывать доски днем и читать книжки по вечерам до самой смерти. Он такой. Но ты... Я точно знаю, что ты не хочешь так жить. Все в тебе буквально кричит о том, что ты хочешь другой жизни. Вот так-то.

– Что если я уеду в другой город и найду себе работу?

– Не надо делать это наполовину. Либо поступай в вуз, научись чему-то и измени свою жизнь, либо оставайся здесь и будь несчастным. Не надо переезжать в соседний округ, чтобы быть там несчастным. Ты просто зря потратишь время.

– Тебе легко говорить. У тебя любящие родители, которые поддерживают тебя и желают успеха во всех твоих начинаниях. У тебя есть деньги на университет.

– Даже если и так, что с того? Мне что, нельзя говорить о важных вещах, если мне легко о них говорить? Это же противоречит здравому смыслу!

– Я не могу, просто не могу. И сейчас мне стало еще хуже при мысли о моей жизни – это все, чего ты добилась. Ты говоришь человеку в инвалидном кресле: «Ходить – это классно. Тебе нужно встать и пойти». Но все не так просто.

– Я говорю это человеку в инвалидном кресле, который сидит в этом самом кресле, потому что его папа и мама были в таких же креслах, и думает, что просто не заслужил ходить, или не ходит, чтобы не ранить их чувства.

– Откуда ты знаешь, чего я на самом деле хочу в глубине души? Я никогда не говорил тебе, что мечтаю уехать из Форрествилла.

Голос Лидии снова набрал силу.

– О, я тебя умоляю! Спроси любого гея на земле, – снова неодобрительные взгляды от группы ребят за соседним столиком, – становится ли желание менее реальным, если его не озвучить. Почему я думаю, что ты хочешь уехать? Потому что ты хохотал до упаду во время просмотра всех до единого фильмов Уэса Андерсона. Потому что тебе нравятся все музыкальные миксы, которые я для тебя записала. Потому что ты прочел все книги, которые я тебе порекомендовала. И потому что я – твой лучший друг. А я хочу отсюда уехать. Ты любознательный, ты жаждешь нового опыта, и это как нельзя более очевидно.

Ее глаза сверкали.

– Мне нужно сделать домашку, – сказал Дилл.

Они сидели и смотрели друг на друга. Лицо Лидии смягчилось.

– Прошу тебя, подумай об этом.

Дилл отпил свой кофе.

– Сегодня – самый ужасный первый учебный день из всех. И это о чем-то да говорит.

Неотвязный страх, который сопровождал Дилла по пути в Нэшвилл, рематериализовался. Теперь ему предстояло не только потерять Лидию по

окончании года, но и разочаровать ее. А что еще хуже: где-то внутри у него, наравне с этим страхом, поселилось еще одно ужасное чувство. Ты как никогда остро ощущаешь собственную уязвимость, если кто-то озвучивает твое желание, о существовании которого ты даже не подозревал.

10

Лидия

Она в девятом классе, на уроке английского, и от Дилларда Эрли ее отделяет всего лишь ряд. Он почти не разговаривает, частенько пропускает занятия. Ее папа как-то упомянул об отце Дилларда, который попал в беду из-за того, что у него на компьютере нашли какое-то мерзкое эротическое видео. Возможно, было еще что-то. Сексуальные извращения вкупе с религиозными странностями – для маленького городка тема довольно щекотливая, да и для любого, на самом деле. Об этом происшествии говорят в национальных новостях. Тему сразу же подхватили комики из вечерних шоу, которые не смогли устоять перед лежавшей на поверхности шуткой о змее в руках. Ходят слухи, что порно принадлежало Дилларду. Это было бы не столь омерзительно, так как Диллард – по меньшей мере сам несовершеннолетний. И все же народ его сторонится, даже парочка бывших друзей из церкви.

Но и Лидия не сказать что сильно популярна. Она всегда по большей части предпочитала своим сверстникам книги. Единственная ее близкая подруга, Хайди, в прошлом году переехала в Мемфис.

На уроке они читают «Повелителя мух», и учительница спрашивает, как они понимают эту книгу. Обычно учителя не вызывают Дилларда – то ли потому, что не надеются получить ответ, то ли потому, что не хотят ставить его в затруднительное положение. Но мисс Ламберт, дай бог ей здоровья, решается это сделать.

– Диллард, о чем, по-твоему, эта книга? – спрашивает она.

Он поднимает голову с парты: он часто засыпает прямо на уроке – устремляет на учительницу этот свой пристальный, нервирующий взгляд пятидесятника. Под глазами у него в последнее время пролегли темные круги. Он выжидает несколько секунд, прежде чем заговорить. Непохоже, что собирается с мыслями, – скорее, взвешивает, готова ли учительница услышать его мнение.

– Думаю, эта книга о том, что все мы рождены с семенами внутри. И если эти семена получают доступ к воздуху и солнечному свету, они прорастут сквозь нас и сломают нас. Как дерево, растущее из-под асфальта.

Не считая пары смешков, в классе воцаряется неловкое молчание. Мисс Ламберт тихо произносит:

– Да, Диллард. Мне кажется, что во многом книга именно об этом.

Логан Уокер поднимает руку и не ждет, пока его спросят.

– Мама говорила мне, что, если съесть семечки от арбуза, в животе вырастет арбуз.

Кто-то хихикает. Диллард снова опускает голову на парту.

– Довольно, – резко произносит мисс Ламберт.

Но Лидия так внимательно следит за этим диалогом не потому, что сразу же по уши втюрилась в Дилларда. Это не совсем так. В ее классификации влюбленностей находятся бесчисленные подвиды, большинство которых вообще не несет никакой романтической окраски. Она однажды перечислила их – столько, сколько могла – в одном из постов для своего нового блога. Девочка-хиппи с Западного берега с ободком на голове. Британская певица, ведьма-гот, которая носит рваные платья и ходит босиком. Саркастичный молодой еврейский комик, который кажется красивым только с одного ракурса и с которым она бы позавтракала, но не целовалась. И так далее, и тому подобное.

И кто бы мог предположить, что в ее списке увлечений найдется место и для странного провинциального парнишки-изгоя и змееносца, питающего склонность к апокалиптическим и экзистенциальным заявлениям на уроке. Но

место нашлось. Она подозревает, что у нее есть вполне реальные шансы пожалеть об этом и что Диллард окажется вовсе не исполненным тоски и одиночества, необычайно умным парнем, каким она его себе вообразила, а повернутым на Иисусе и порно фриком. Но ведь если так окажется, то она в любой момент сможет бросить его без всяких социальных последствий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Американский архитектурный стиль начала XX в.

2

В пер. с англ. «Южный_Нортбрук».

3

Игра слов: dullard от англ. dull – тупой, бестолковый, скучный.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zentner_dzheff/zmeinyy-korol

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)